

КРИТИКА.

Путешествія А. С. Норова. С.-Петербургъ. 1854. Пять томовъ: томы I в II, Путешествіе по Египту и Нубіи: изданіе второе; томы III и IV, Путешествіе по Святой Землѣ, изданіе третье, дополненное; томъ V, Путешествіе къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, изданіе второе.

Старинная русская литература была богата сказаніями о путешествіяхъ по Святой Землѣ: отъ Данила, русской земли игумена, до Арсенія Суханова и Андрея, въ монашествѣ Аарона, Игнатъева, идетъ непрерывный рядъ паломниковъ, описывавшихъ свои хожденія въ назиданіе и душевное спасеніе благочестивымъ чтателямъ. Многочисленность списковъ, въ которыхъ дошли до насъ важнѣйшія изъ этихъ повѣствованій, доказываетъ, что они были любимымъ чтеніемъ нашихъ набожныхъ предковъ. Иначе и быть не могло, при общей благоговѣйной ревности къ святымъ мѣстамъ палестинскимъ, которою всегда былъ проникнутъ русскій народъ. Всякій, кто могъ, шелъ поклониться Гробу Господню; и надобно думать, что число такихъ благочестивыхъ путниковъ было очень велико въ XII вѣкѣ. Въ «вопросаніяхъ» Кирика, Нифонтъ, епископъ новгородскій, говоритъ о клятвенныхъ обѣщаніяхъ посѣтить Святую Землю, какъ о самомъ распространенномъ обычаѣ между православными своей паствы. Подобнымъ образомъ выражается и Дашила игуменъ въ предисловіи въ своему сказанію (инози ходивше святыхъ сихъ мѣсть и видѣвше святой градъ Іерусалимъ). Кому Богъ не далъ этого счастья, для тѣхъ отрадою было читать и слушать рассказы паломниковъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ за свой подвигъ, какъ виднѣ изъ того же предисловія Дашила игумена.

Ревность къ посѣщенію Святой Земли, набожное усердіе читать ея описанія, слушать рассказы о ней—не ослабѣвали въ православныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Напротивъ, никогда число набожныхъ паломниковъ не было такъ велико, и едва-ли когда-нибудь повѣствованія ихъ слушались съ большимъ любопытствомъ, съ живѣйшею любовью. Но, по стеченію обстоятельствъ, которое на первый разъ можетъ показаться загадочнымъ, прошло болѣе вѣка прежде, нежели эта отрасль литературы, такъ сильно интересовавшая русскій народъ, достигла развитія, вполне соответствующаго общему развитію русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, какія новыя сказанія о Святой Землѣ мы видимъ до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія? «Дневныя записки путешествія въ Сирію и къ достопамятнымъ мѣстамъ въ предѣлахъ Іерусалима находящимся», Сергѣя Плещеева (С. Петербургъ, 1773 г.) чрезвычайно-кратки и не представляютъ ничего замѣ-

чательнаго, хотя отъ автора, литературная дѣятельность котораго обращена была на географическіе труды *), можно было бы ожидать сочиненія обширнаго и очень хорошаго. Иеромонахъ Саровской общежительной пустыни Мелетій въ «Путешествіи во Іерусалимъ» (Москва, 1798 г.) описываетъ святаго мѣста довольно подробно; но его книга — компиляція изъ прежнихъ путешествій, ужь бывшихъ извѣстными русской публикѣ. Еще менѣе замѣчательны небольшія книжки, издачныя Вешняковыми и Новиковымъ и Кириемъ Бронниковымъ **); единственнымъ достоинствомъ того и другаго сочиненія можетъ назваться простота изложенія, входящая однако до сухости. Всѣ книги, нами перечисленныя, не пользовались даже въ свое время ни малѣйшею извѣстностью и нисколько не могли замѣнить старинныхъ путевыхъ записокъ Григоровича Барскаго Плаки-Альбова, которое пользовалось нераздѣльнымъ уваженіемъ любознательныхъ и набожныхъ читателей и имѣло не менѣе шести изданій ***). Эта книга, отличающаяся несомнѣнными достоинствами, заслуживаетъ, чтобъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Григоровичъ въ началѣ своего «Путешествія» рассказываетъ, что учился въ Кіевской Академіи, гдѣ дошелъ до «началъ философскихъ», несмотря на совѣты отца оставить науки, которыя ведутъ единственно къ «излишнему пренію, славолюбію, гордости, зависти»; мать защищала любознательнаго юношу, имѣвшаму къ наукѣ «непреоборимую естественную склонность и охоту». Около двадцати лѣтъ ему было, когда болѣзнь въ ногѣ принудила его оставить академію. Одинъ изъ кіевскихъ студентовъ, Липицкій, «отъѣзжалъ тогда въ Польшу до града «Львова, ради совершенія высшихъ наукъ; тому поревновавъ, возжелалъ я отъѣхать съ нимъ, тояжде ради вины, наипаче же ради исцѣленія ноги моей, ели-шалъ бо яко тамо искусные обрѣтаются врачѣ». Въ Лембергской Школѣ пробылъ Григоровичъ недолго, постоянно подвергаясь гоненіямъ отъ ушатовъ за свое православіе. Отчасти, чтобъ избѣжать этихъ неприятностей, отчасти, чтобъ «по странствовать по чужимъ землямъ и видѣть иныхъ людей обычаи» вздумалъ онъ идти въ Римъ. Во время этого путешествія постепенно развилась у него мысль поклониться сначала святымъ мѣстамъ греческимъ, потомъ и палестинскимъ. Такимъ образомъ посѣтивъ Солувь, Аеонскую Гору, Іерусалимъ, Каиръ, по возвращеніи изъ Египта во второй разъ обошедъ всю Палестину и Сирію, онъ поступилъ въ трипольское училище, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ; путешествовалъ по Архипелагу и прожилъ шесть лѣтъ въ монастырѣ на островѣ Патмосѣ, потомъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ; наконецъ, обзрѣвъ снова аеоншіе монастыри, возвратился черезъ Болгарію, Молдавію и Польшу, на родину, гдѣ хотѣлъ при-

*) Плещеевъ, Сергій Ивановичъ, написалъ «Обозрѣніе Россійскія Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи», сочиненію, имѣвшему не менѣе трехъ изданій. и Перевелъ «Путешестіе англійскаго лорда Балтимура изъ Константинополя черезъ Румелію, Болгарію, Молдавію и Пр. въ Лондонъ» — книга, также имѣвшая два издавія.

**) «Иутевыя записки во святой градъ Іерусалимъ и въ окрестности онаго, Калужской губерніи дворянъ Вешняковыхъ (Ивана и Василія) и мядинскаго купца Новакова въ 1804 и 1805 годахъ». Москва, 1813. — «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, находящимся въ Европѣ, Азій и Африкѣ, совершенное въ 1820 и 1821 годахъ села Памлова жителемъ Кириемъ Бронниковымъ». Москва, 1824.

***) «Пѣшеходца Василія Григорьевича Барскаго Плаки-Альбова, уроженца шведскаго монаха Антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 в оконченное въ 1747 году». Двѣ части. Первое издаше, С.-Петербургъ, 1778 года; 6-е издаше, С.-Петербургъ, 1819. Въ 1847 году было напечатано извлеченіе, подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Іерусалимъ Василія Григорьевича Барскаго». Москва, въ типогр. Евреянова.

весть въ порядокъ и приготовить къ изданію свои путевыя записки; но, какъ говорить издатель, «поживъ только 35 дней въ отеческомъ доиѣ, бывъ болѣвъ опухолью ногъ», скончался на 46-мъ году. Скоро ого записки, хотя не приведенныя въ окончательный порядокъ, распространились по Малороссіи, во множествѣ списковъ. Преосвященный Симонъ Тидорскій, потомъ графъ А. Г. Разумовскій и Амвросій, архіепископъ московскій, хотѣли издать книгу, которою такъ интересовались всѣ набожные читатели, но и сани скончались вскорѣ послѣ того, какъ начинали готовить ее къ печати, но успѣвъ исполнить своего намѣренія. Наконецъ князь Потемкинъ, «вѣдая совершенную пользу и надобность оныя для общества», поручилъ изданіе тогдашнему литератору Рубану, который пополнилъ записки Барскаго примѣчаніями, впрочемъ, немногочисленными и неважными, и «оставивъ слогъ таковымъ, какъ былъ у автора, то-есть славенороссійскимъ, «исключая нѣкоторыхъ польскихъ и малороссійскихъ словъ, которыя премѣняемы «на употребительныя были, что и самъ сочинитель безъ сомнѣнія учинилъ бы, «еслибъ жизнь ого продолжилась, ибо онъ имѣлъ намѣреніе къ исправленію всего «путешествія».

Василій Григоровичъ — путешественникъ наблюдательный и любящій подробно описывать все видѣнное, потому записки его, особенно первый томъ (второй почти весь посвященъ описанію аеонскихъ монастырей, монотонному и довольно-утомительному); представляютъ чтеніе разнообразное и занимательное, тѣмъ болѣе, что, путешествуя по большей части пѣшкомъ и Христа-ради, онъ испытывалъ много приключеній, придающихъ иногда живой драматизмъ разсказу. Но часто также его записки, которыхъ не успѣлъ онъ пересмотрѣть и исправить, бываютъ растянуты и заключаютъ въ себѣ повторенія. Славенороссійскій языкъ ихъ также дѣлаетъ чтеніе тяжелымъ для людей, привыкшихъ къ новому языку Ломоносова. Вообще, вся книга по своему характеру принадлежитъ еще литературѣ старинной Руси, и даже въ прошедшемъ вѣкѣ могла быть читаема большинствомъ только по рѣшительному недостатку удовлетворительныхъ сочиненій, писанныхъ сообразно развитію вкуса и образованности.

Настоятельная потребность образованной публики заставила прибѣгнуть къ переводамъ, которыхъ явилось много. Такъ самъ Рубанъ, издатель Григоровича, перевелъ съ латинскаго «Посѣтитель и описатель святыхъ мѣстъ, въ трехъ частяхъ «свѣта состоящихъ, или путешествіе Мартына Баумгартена въ Египетъ, Аравію, «Палестину и Сирію», 3 части (С. Петербургъ, 1794). Путешествіе въ Іерусалимъ Шатобріана было переведено даже два раза *); также переведены были сочиненія Мишб, Пужула, Корнеля и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ. Но всѣ они едва-ли даже не менѣе записокъ Григоровича могли удовлетворять русскаго читателя. Если какая-нибудь страна должна быть непременно описана для насъ соотечественникомъ и единовѣрцемъ,—то именно Святая Земля; это не нуждается въ объясненіяхъ; потому въ одно изъ переводныхъ путешествій не нашло себѣ доступа къ русскому публикѣ, ни одно не могло прійтись по-сердцу русскому читателю. Жажда читать о Гробѣ Господнемъ, о Святой Землѣ, оставалась по-прежнему нисколько не удовлетворенною.

*) Священникомъ Іоанномъ Граціанскій, три части; С.-Петербургъ, 1815—1817; и княземъ Шаликовъ, три части, Москва, 1815—1816.

Таково было положеніе дѣла, когда, въ непродолжительный періодъ времени, явились два сочиненія, оба являющіяся краснорѣчиво, но существенно различающіяся между собою по характеру содержанія и по обширности взгляда авторовъ ихъ. Первыхъ, по времени появленія, было «Путешествіе по Святымъ Мѣстамъ» А. Н. Муравьева (Спб. 1832); вскорѣ русская публика еще съ большимъ сочувствіемъ прочла «Путешествіе по Святой Землѣ» (Спб. 1838) и «Путешествіе по Египту и Нубіи», служащее дополненіемъ къ «Путешествію по Святой Землѣ» (Спб. 1840 г.) А. С. Норова. Существенное различіе между этими сочиненіями можно обозначить вѣрнѣе всего такъ: «Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ» было прочтано съ удовольствіемъ, какъ отчетъ въ благочестивыхъ впечатлѣніяхъ образованнаго русскаго писателя, возвышающагося часто въ благоговѣніи своемъ до истиннаго краснорѣчія; «Путешествіе по Святой Землѣ» и «Путешествіе по Египту и Нубіи», отличаясь тѣми же достоинствами, тѣми же краснорѣчіемъ, тѣми же благочестивымъ одушевленіемъ, заняли, сверхъ того, почетное мѣсто въ ученѣмъ отношеніи между всѣми сочиненіями по этому предмету, какъ произведенія равно благочестиваго и ученаго изслѣдователя-путешественника, коротко знакомаго со всѣми изысканіями своихъ предшественниковъ, какъ произведенія изслѣдователя, самостоятельно повѣряющаго, объясняющаго, дополняющаго результаты, которыхъ достигла наука. При всемъ высокомъ ученѣмъ значеніи своемъ, «Путешествіи по Египту и Нубіи» и «Путешествіе по Святой Землѣ», постоянно касаясь вопросовъ, «нѣмлющихъ самый живой интересъ для всякаго сколько-нибудь образованнаго читателя, излагая эти вопросы съ тою ясностью, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ свѣтлаго взгляда на предметъ, постоянно оживляя археологическія разысканія разсказами о дорожныхъ впечатлѣніяхъ, картинами природы и современныхъ нравовъ, по единодушному отзыву были признаны сочиненіями, равно-интересными для ученаго и неученаго читателя, столь же занимательными и понятными для большинства публики, сколько важны они для историка, археолога и этнографа; ими были равно удовлетворены читатели, искавшіе въ нихъ разъясненія специальныхъ вопросовъ, оставшихся до того времени темными, и читатели, желавшіе вообще познакомиться съ странами, столь интересными и столь мало у насъ извѣстными; читатели, искавшіе по преимуществу благочестиваго, читатели, искавшіе по преимуществу живаго, и читатели, искавшіе по преимуществу ученаго разсказа о странахъ, изъ которыхъ одна важна для насъ, какъ колыбель древнѣйшей цивилизаціи, другая священна, какъ колыбель божественной вѣры.

«Путешествіе по Святой Землѣ» было издано прежде «Путешествія по Египту и Нубіи»; но самъ авторъ, называя это послѣднее «яведешіемъ» къ первому, помѣстивъ его въ первыхъ томахъ изданія; слѣдуя такому порядку, указываемому авторомъ, мы должны начать и наше обзорѣніе съ «Путешествія по Египту и Нубіи».

Большая часть русскихъ, посѣщавшихъ Святую Землю, были также и въ Нижнемъ Египтѣ, но ни одинъ изъ предшествовавшихъ А. С. Норову русскихъ путешественниковъ, описавшихъ свое паломничество, не плавалъ вверхъ по Нилу далѣе Каира; поэтому, отличаясь отъ всѣхъ прежнихъ русскихъ сочиненій о Египтѣ полнотою и ученостью описанія Нижняго и Средняго Египта, «Путешествіе по Египту и Нубіи» было первою русскою книгою, въ которой описывается Верхній Египетъ и Нубія; въ немъ въ первый разъ русскіе прочли разсказъ русскаго

путешественника о развалинах Фивъ, Элефантинъ, Исабула и Филе. Точно также это сочиненіе было первою русскою книгою, въ которой сообщены, и не только сообщены, но пополнены результаты изслѣдоваій французской ученой экспедиціи, Шамподіона и другихъ египтологовъ. Чувство, увлекшее автора въ продолжительное и трудное странствованіе, онъ самъ объясняетъ такъ:

«Пройдя половину пути живни, я узналъ, что значить быть большынъ душою. Волнуемый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній. нгдѣ ихъ не находилъ, и былъ въ положеніи чловѣка, потерявшаго путь в бродящаго ошупью въ темнотѣ тѣса. Мысль о путешествіи въ Святую Землю давно таилась во мнѣ; я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ, но Іерусалимъ утверждалъ мою рѣшимость: утѣшеніе лобызатъ слѣды Спасителя міра на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ совершвлъ тайну искупленія чловѣчества, заставило меня превозмочь многія прпятствія» (предисловіе къ «Пут. по Св. Землѣ»).

Побуждаемый этою христіанскою потребностью, благочестивый путешественникъ отправляется изъ Вѣны въ Александрію. Ученые труды его ознаменовываются счастливыми результатами съ самаго перваго шага въ путь: въ Триестѣ, вѣрный классическимъ своимъ воспоминаніямъ, онъ открываетъ римскую надпись и срисовываетъ одежду поселянъ, сохранившую отпечатокъ древности; пользуясь нѣсколькими днями, остающимися до отплытія корабля, который поревезетъ его въ страну пирамидъ, онъ посѣщаетъ Венецію и Аквилею. Строго соблюдая правило, принятое въ самомъ началѣ и сообщающее такую свѣжестъ разсказу — «избѣгать, <сколько возможно, описаній, повторяемыхъ во всѣхъ путешествіяхъ» (предисл. къ «Путешествію по Египту и Нубіи»), онъ не передаетъ впечатлѣній, произведенныхъ на него Венеціею, <о которой ужъ такъ много извѣстно читателю», но посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ <забытой всѣми путешественниками» Аквилеѣ, гдѣ находитъ древній, неизвѣстный до того времени жертвенникъ, на которомъ написано имя Геренція, друга Цицерона. Преданія классической древности сопровождаютъ его въ плаваніи вдоль итальянскихъ и греческихъ береговъ; но вотъ и песчаное побережье Египта.

«Первыя воспоминанія, пробудившіяся во мнѣ, были библейскія,—какъ бы невольно вылетѣло изъ устъ мовхъ: *изъ Египта воззвахъ сына моего!* Тутъ колоссальный образъ Моисея, съ распростертыми дланями надъ народомъ нараильскимъ, предсталъ моему воображенію» («Пут. по Ег.» I, 31).

Александрія производитъ унылое впечатлѣніе своимъ нынѣшнимъ некрасивымъ видомъ, своими нѣкогда чудвыми, теперь искаженными рукою невѣждъ развалинами; <но (говоритъ благочестивый авторъ) ни обелнскъ Клеопатры, ни Колонна Помпеева, ве обращали столько много вниманія въ Александріи, какъ тотъ <малый островъ, откуда свѣтъ Божественнаго писанія, столь долго таившійся въ <Землѣ Обѣтованной, разлился по всему міру», гдѣ совершенно былъ переводъ гвященныхъ книгъ семьюдесятью толковниками. И при этомъ случаѣ, основываясь на положительномъ свидѣтельствѣ Іосифа Флавія, говорящаго, что жилище для переводчиковъ было назначено на островѣ, авторъ исправляетъ ошибку ученой французской комиссіи, которая полагала, что мѣсто, гдѣ переведена Библия, находилось на твердой землѣ (I, 44). Потомъ, разсказавъ исторію христіанства въ Александріи, онъ переходитъ къ описанію такъ-называемой Помпосвой Колонны и, опровергая мнѣніе, будто-бы это панатникъ Діоклетіану, првзваетъ вѣроятнѣшимъ, что колонна воздвигнута въ память основателю города, Александру-Маке-

донскому. За обзорѣніемъ развалинь слѣдуетъ интересная глава о нынѣшней торговлѣ Александріи и о египетскомъ флотѣ. Другая глава посвящена плаванію, до Каира, развалинамъ Сауса, воспоминаніямъ о монастыряхъ и святыхъ отшельникахъ, прославившихъ пустыню Средняго Египта. Въ Каирѣ авторъ остается довольно-долго, подробно обзорѣваетъ его зданія, различныя учрежденія Мехмеда-Али, находящіяся въ городѣ и окрестностяхъ, нравы жителей, рассказываетъ интересную исторію Мехмеда-Али и объясняетъ систему орошевій (стр. 100—198). Двѣ слѣдующія главы посвящены поѣздкѣ къ пирамидамъ. Исслѣдованіе ихъ внутренности, соображеніе различныхъ мѣстъ у древнихъ писателей, приводитъ русскаго ученаго къ заключенію, что обыкновенное предположеніе, будто-бы пирамиды были надгробными памятниками фараоновъ, несправедливо; свое собственное мнѣніе о ихъ назначеніи авторъ высказываетъ такъ:

«Но къ чему эти таинственные пути и галлерей? Къ чему вотъ Сфинксъ, стрегущій подошвы пирамидъ? Теперь, когда я посѣтилъ храмы древняго Египта и Нубіи, я вижу, что Сфинксы не воздвигались Египтянами иначе, какъ у предверія драмовъ, а не у гробницъ; Плуархъ говоритъ опредѣлительно, что: «Сфинксы ставились обыкновенно передъ храмами: Египтяне выражали ими свою символическую еегопію» (de Iside, § 9). Изъ этого, мнѣ кажется, само собою обнаруживается, что пирамиды, хотя и заключали въ себѣ прахъ ихъ первыхъ основателей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ служили какъ бы храмомъ для нѣкоторыхъ религіозныхъ таинствъ, о которыхъ намъ остались темныя преданія въ древнихъ писателяхъ. Пирамиды въ Мсрое имѣютъ при входѣ ихъ пристроенныя пилоны, какъ у храмовъ... Сважемъ также, что едва ли не изъ-аодъ Сфинкса надобно искать путей во внутренность пирамидъ: даже символическій образъ Сфинкса представляетъ много поводовъ къ такимъ догадкамъ въ странѣ, исполненной глубокихъ символовъ (I, 216—218).

«На концѣ ея (горизонтальной галлерей второй пирамиды) находится такъ называемая погребальная комната. Тутъ найдевъ былъ вскрытый уже саркофагъ съ остатками костей. Эти кости были въ послѣдствіи изслѣдованы въ Лондонѣ, и оказалось, что онѣ не человѣчьи, а бычачьи: если это правда,—вотъ еще доводъ, что такъ называемыя погребальныя комнаты царей и царицъ не суть ихъ настоящее мѣсто погребенія—я по этому обстоятельству невольно представляется мысли повлочешія Египтянъ быку Апису» (I, 223).

Въ журнальной статьѣ невозможно представить многихъ другихъ глубокихъ соображеній ученаго путешественника (напримѣръ о Меридовомъ Озерѣ, о гигіеническомъ основаніи бальзамированья, какъ предохранительнаго средства противъ чумы, порождаемой гніеніемъ труповъ и проч.); но не можемъ не представить слѣдующаго его открытія, свидѣтельствующаго о томъ, какъ справедливо замѣтилъ онъ въ предисловіи: «единственный свѣточъ въ исторіи первобытной есть Библия», и служащаго однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, съ какимъ успѣхомъ онъ «старался постоянно руководствоваться ея указаніями» («Пред. къ Пут. по Египту»).

«Пзъ числа разрушенныхъ пирамидъ (Дашура и Сахары)... одна, менѣе разрушенная и болѣе приближенная въ Нилу, обратила мое особенное вниманіе. Эта пирамида была воздвигнута не изъ камней, а изъ необожженныхъ кирпичей. Кирпичи имѣющіе вершковъ по семи въ длину, дѣлались изъ прибрежнаго илу, въ который, для связи, клали солому, в потомъ они сушились на солнцѣ: вотъ образецъ глинооудВлавіи Египтянъ, на которое употреблялись Израильтяне, какъ повѣствуетъ Библия: «И заповѣдалъ Фараонъ приставникамъ, и сказалъ: не давайте теперь соломы народу для дѣланія кирпича, пусть сами идутъ и собираютъ солому. И разошелся вародъ по всей землѣ Египетской собирать тростникъ для соломы». Здѣсь сказано: *тростникъ* для

соломы. Это обстоятельство должно присовокупить къ многочисленнымъ доводамъ, что главныя работы израильскія производилась въ самой Дельтѣ, гдѣ при устьяхъ Нила такое изобиліе въ тростникѣ, межъ тѣмъ какъ ниже Дельты онъ превращается... Замѣтивъ также, что Израильтяне употреблены были, большею частью, для строенія городовъ, а не пирамидъ, какъ иные думаютъ. Со всѣмъ тѣмъ Израильтяне могли быть также употреблены на работахъ въ Мемфисѣ, и эта пирамида, быть можетъ, есть остатокъ рабства Израильтянъ (Иосифъ Флавій приписываетъ сооруженіе пирамидъ Израильтянамъ, *Antiqm.* II, 5). Я взялъ съ собою одинъ изъ этихъ кирпичей, современный Моисею» (I, 236—238).

Пирамиды и развалины Мемфиса естественнымъ образомъ приводятъ автора къ обзорѣ исторіи первобытнаго Египта. Какъ одно изъ многихъ объясненій, которыя сообщаютъ здѣсь русскій изслѣдователь, на основаніи библейскихъ свидѣтельствъ исправляя и пополняя мнѣнія своихъ предшественниковъ, приведемъ его рѣшеніе столь затруднявшаго ученыхъ вопроса о томъ, кто были цари-пастыри (Гиксосы), покорившіе Египетъ:

«Мы видимъ изъ Библіи, что когда династія коренныхъ Египетскихъ Фараоновъ низвергла его пастырей, то новый Фараонъ, который, по словамъ Книги Исхода не зналъ Иосифа, бывшаго пои Фараонъ пастырской династіи, имѣлъ главною цѣлью освободиться отъ населенія Израильскаго въ землѣ Гесемъ. Вотъ рѣчь его: «Придите убо, првхитримъ ихъ, да не когда умножатся, и егда аще приключится намъ брань, приложатся и сіи къ еупостатамъ». Страхъ, выраженный здѣсь, напоминаетъ слова Исаи: «И будетъ страна Іудейска въ страхъ Египтянонъ». Изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что находившіе на Египетъ народы были изъ одной страны съ Израильтянами, и, вѣроятно, тѣ, кои поелѣ названы Филистимлянами, которыхъ физическое преимущество нѣсколько разъ означено въ Библіи; но конечно не Скифы, какъ сказалъ Шамполіонъ, основываясь на одномъ созвучіи прочтеннаго имъ въ іероглифахъ имени. Првтомъ же и Манеонъ, говоря о XVII династіи пастырей, прибавляетъ «они были братья Якивилъ». Въ подтвержденіе нашихъ предположеній замѣтимъ весьма важное обстоятельство, что доселѣ жители Верхняго Египта и Нубіи выводятъ свое происхожденіе изъ Востока, который они называютъ Шеркъ. Но всего поразительнѣе то, что арабскій писатель Бенъ-Аясъ, въ своей Космографіи, именно говоритъ, что Берберы или Нубійцы производятъ себя отъ царя Голаеа, т. е. отъ Филистимлявъ. Даже въ Иродотѣ названіе пастуха Филитеса можетъ приводить къ некоторымъ догадкамъ, что построеніе пирамидъ принадлежитъ не Египтянамъ, а народамъ чужеземнымъ. Зодчество этихъ громадъ не имѣетъ отпечатка зодчества Египетскаго.—Пирамиды, по нашему мнѣнію, суть подражаніе первымъ дивнымъ памятникамъ міра, каковы: столпъ Вавилонскій или башня Безуса, Иродотъ и Страбонъ говорятъ, что эта башня имѣла видъ пирамиды; а въ стрывкѣ изъ Берозія мы читаемъ, что Небуласаръ, отецъ Навуходоносора, нагромоздилъ гору изъ необычайной величины камней. Мы находимъ еще другую вѣроятную причину къ такому мнѣнію по одному мѣсту Манеона. Онъ говоритъ, что нахлынувшіе на Египетъ пастыри (Гиксосы) разрушили всѣ города и храмы египетскіе. Шамполіонъ прибавляетъ, что ни одно изъ великихъ зданій Египта не было пощажено. Хотя трудно разрушить большія пирамиды, во... пастыри не пощажали бы по крайней мѣрѣ ихъ наружностей; напротивъ того, они сохранили ихъ, можетъ быть, какъ памятники своихъ родовъ племени. Если же намъ возразятъ, что Египетскій Фараонъ Мерисъ воздвигнулъ пирамиду на озерѣ своего имени, то мы можемъ отвѣтствовать, что, по прошествіи тысячи лѣтъ отъ построенія первой пирамиды, Египтяне могли забыть о ненависти ихъ предковъ къ пастырямъ и подражать этому роду зданій» (I, 269—272).

Еслибъ мы могли представить здѣсь всѣ замѣчательныя соображенія, которыми авторъ проливаетъ свѣтъ на египетскую исторію и въ особенности на тѣ факты, которыми соприкасается она съ оврейскою, мы должны были бы переписать всю главу. Упомянемъ по крайней мѣрѣ о предположеніи ученаго автора касательно

времени образования дельты; относя его къ доисторическому періоду, онъ думаетъ (в эта гипотеза теперь оправдывается), что цивилизація перешла изъ Нижняго въ Верхній Египетъ, а не наоборотъ, какъ обыкновенно думали; далѣе: доказательства его, что столицей фараоновъ въ эпоху Моисея былъ Цаонъ, а не Мемфисъ—мысль, также послѣ него принятая въ наукѣ, что увидимъ ниже; опредѣленіе мѣстности земли Гесемъ; мнѣніе, также принятое нынѣ учеными, объ исходной точкѣ путешествія израильтянъ, которое разсмотримъ ниже; наконецъ доказательства, что Но-Аммонъ, не Фивы (Диосполь Великій), а Диасполь Малый, въ Нижнемъ Египтѣ, и множество другихъ объясненій, равно справедливыхъ и важныхъ. Черезъ Геліополисъ авторъ возвращается въ Каяръ и окончивъ описаніе его, приступаетъ къ подробному статистическому обзорѣнню Египта (главы XVIII—XXIII), чѣмъ и заключается первый томъ. Второй посвященъ путешествію въ Верхній Египетъ и Нубію, до большихъ пороговъ Нила. Въ этомъ плаваніи, первомъ, описанномъ русскимъ ученымъ, прежде всего встрѣчаетъ авторъ пустыни, прославленные святыми отшельниками онваидскими, потомъ знаменитыя гипогей Бенн-Гассана (II, 17—25). Путевыя приключенія, картины природы, наблюденія надъ крокодиломъ и бегемотомъ, краткія обзорѣнія развалинъ египетскихъ городовъ и христіанскихъ монастырей быстро смѣняются, пока, на десятый день плаванія, путешественникъ достигаетъ Фивъ, описанію которыхъ посвящено семь главъ (V—IX и, на возвратномъ пути, XX—XXI). Мы не можемъ слѣдить за ученымъ авторомъ по всѣмъ памятникамъ этого «первенца городовъ, воликолѣпнѣйшаго подъ солнцемъ»; но должны представить, хотя въ извлеченіи, описаніе послѣдней группы, имъ обозрѣваемой, развалинъ Карнака, въ которыхъ нашъ авторъ открылъ даже послѣ Шамполіона много новаго и важнаго:

«Вступимъ между двумя пирамидами въ гигантскія ворота. Съ первымъ взглядомъ во внутренность, воображеніе само холодное приводится въ смущеніе невиданными дотолѣ массама колоннъ и пиластровъ, то цѣльныхъ, то разрушенныхъ; но оно уже испугано, завидя прилежащую къ этому огромному перистилю храмину съ необъятнымъ множествомъ столповъ, которыхъ созданіе превышаетъ силы народа, самаго могущественнаго: *Non posuissent deos!* должно воскликнуть съ Саназаронъ.

«Сойдите теперь въ этотъ перистиль. Изъ грудъ самыхъ драгоценнѣйшихъ матеріаловъ, разбитыхъ въ дребезги обрушенными на нихъ рядами колоннъ, которыя загроздили всю площадь, высится одна необычайная колонна въ гигантской прелести съ своею лotosовою капителью. Но, завидѣнная вами храмина, все влечетъ васъ къ себѣ: вотъ ея колоссальные привратники—вы едва обращаете на нихъ вниманіе, я, вступивъ въ преддверіе, узнаете, что всѣ видѣнныя вами доселѣ здашія, хотя бѣ вы обошли весь земной шаръ, —игрушки передъ этимвъ *столпотвореніемъ!* Этотъ лѣсъ колоннъ, величавы невообразимой—и гдѣ же? внутри здашія—повергаетъ васъ съ перваго раза въ глубокую задумчивость о зодчихъ. Вы невольно спрашиваете, не исполнены-ль Бибія, эти *человѣчки именитіи*, жившіе нѣскольکو столѣтій, оставили здѣсь слѣды своего существованія? Этихъ столповъ, или лучше сказать скалъ, 136. Тѣ 12 колоннъ, которыя поддерживаютъ среднюю часть храма, разрѣзывая его на два этажа, выше прочихъ. По сдѣланному расчисленію, сто человѣкъ могутъ свободно помѣститься ва каждой капители этихъ колоннъ. Церковь Св. Мартина, одна изъ самыхъ большихъ въ Лондонѣ, устаетъ четыре раза въ этой залѣ, имѣющей 318 футовъ въ длину и 159 ф. въ ширину. Большая часть колоннъ въ совершенной цѣлости, другія же страшно наклонены съ нависшими надъ ними громадами. Потолокъ состоитъ изъ каменныхъ плитъ невообразимой величавы. Во всѣхъ этихъ здавіяхъ нигдѣ не употреблена известь и все держится однимъ напоромъ тяжестей.

«Таверь, представьте себѣ всё эти громады стѣвъ в волоннѣ, одѣтыми сверху до низу рѣзными картинами, съ фигурами столь же гигантскими, какъ и зодчество.

«Изъ картина, не описанныхъ Шамполиономъ, мнѣ показалась отличнѣе передъ прочими, вѣрнѣе на сѣверной стѣвѣ, изображающая бога Ота, начертывающего на древѣ жизни въ третій разъ имя Рамаеса II... и еще другая картина на западной стѣвѣ: тамъ представленъ въ колоссальномъ видѣ, Аммонъ-Ра (которому былъ посвященъ этотъ храмъ); онъ сидитъ на престолѣ; Фараонъ подводитъ къ нему, держа за руку, прекрасную женскую фигуру, которая изображаетъ, какъ мы думаемъ, одну изъ Паллакядъ, т. е. дѣвъ высокаго или даренаго рода, посвященныхъ Аммону; небольшой рогъ на челѣ дѣвы выражаетъ, вѣроятно, это знаніе. За Аммономъ стоитъ богиня Гаторъ (Венера). Это брачное торжество Фараона.

«Бродя долго по этому разрушенію, я подошелъ нечаянно въ остатку нижней стѣны неполясанаго Аммонова храма;—и какъ велико было мое удивленіе, когда я отпрылъ на разбитой гранитной картинѣ, очень малаго размѣра, и отъ которой осталась только нижняя половина,—изображеніе побѣдителя, наступившаго пятю на главу простертаго подъ нимъ Еврея. Народныя черты лица Израильянина поразительно сходны... Подобное открытіе Шамполиона тотчасъ заставило меня узнать въ этомъ изображеніи Библейское событіе о нашествіи Фараова Сесака въ Іерусалимъ. Важность этого дополненія въ открытіи Шамполиона заставила меня немедля взяться за карандашъ. Я со всевозможною вѣрностью срисовалъ этотъ достопримѣчательный барельефъ. Предъ Фараономъ едва видны двѣ фигуры, одна стоящая на колѣнахъ, а другая, какъ бы просящая пощадъ. Происходящая сцена изображена на *бари* или священной баркѣ» (II, 126—132).

Отъ Оивъ авторъ продолжаетъ путь свой до большихъ нильскихъ пороговъ, описывая развалины Элефантиды, Филе, Ипсамбула и множества другихъ древнихъ городовъ, изображая нравы нубійцевъ и картины дикой и величественной природы ихъ страны. Наконецъ, начертавъ на крайней точкѣ своего пути, надъ пропастью, на стѣвѣ скалы Эбширъ, обращенной къ родному сѣверу:

Alme soll' possis nihil Russia visere majus!

(O! солнце да не видишь ты величія равнаго величію Россіи—

примѣненные къ роднѣи стихи изъ *Carmen Saeculare*, Горация:

Alme sol...

...Possis nihil urbe Noma

Visere majus!)

пускается въ обратный путь. Снова осматривая во всей подробности развалины Ипсамбула, онъ открываетъ, при сличеніи Шамполиона съ Геродотомъ, эпоху и цѣль построенія знаменитаго ипсамбульскаго храма, вида въ немъ памятникъ побѣдъ Сезостриса въ Эѳіопіи, и опровергая ошибочное, основанное только на созвучіи сближеніе, «Ипсамбулъ» и «Псамметихъ», предлагаемое Вилькинсономъ и Раттеромъ.

«Чтяя Шамполионовы объясненія іероглифическихъ картинъ Ипсамбула я заглянувъ въ Иродота, мы приходимъ къ заключенію, что храмъ Ипсамбула созданъ Сезострисомъ въ воспоминаніе опасностей, которыя онъ избѣжалъ при покореніи Эѳіопіи. Выпишемъ строки Иродота: «Изъ всѣхъ Египетскихъ царей, одинъ только Сезострисъ парствовалъ надъ Эѳіопіею. Онъ соорудилъ каменные статуи передъ храмомъ Вулкана въ память избѣгнутой имъ опасностей» (Lib. II, § 110). То же самое говоритъ Діодоръ, опредѣляя даже мѣсто побѣдъ Сезостриса: «въ первой Эѳіопіи» (Lib. I, § 55) т. е. въ Нубіи, между первыми и вторыми порогами Нила. Троглодиты именно названы у Стравона въ числѣ народовъ, покоренныхъ Сезострисомъ... Эти колоссы (стоящіе предъ храмомъ) суть истинные портреты Сезостриса: ихъ лица совершенно сходны съ лицомъ поверженнаго колосса Мемфійскаго, который былъ воздвигнутъ въ память побѣдъ Сезостриса надъ Эѳіопіями» (II, 233—236).

Въ Дакке списываетъ путешественникъ греческія надписи, неизвѣстнымъ Летронну (II, 259—261), и, срисовавъ въ Келашбе интересный фрескъ, драгоценный, какъ памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства, и изображающій торжество святой мученицы, преданной пламени (II, 271), прощается съ Нубіей, которая столько вѣковъ закрыта была отъ насъ завѣсою тайны, и которая, прибавимъ, такъ хорошо извѣтна намъ теперь, благодаря трудамъ такихъ ученыхъ, какъ авторъ «Путешествія по Египту и Нубіи». Обзоръвъ Элетію, Эсне, вторично Оивы, Дендерахъ съ его знаненатыиъ зодіакомъ, который объясняютъ очень проникательно, Абидусъ, монастырь Эль-Боххара, ученый путешественникъ достигаетъ области Фаюмъ, которую подробно изслѣдываетъ въ подтвержденіе своему мнѣнію о протяженіи Меридова Озера (пространство котораго опредѣляетъ онъ такъ, что вполне подтверждается основательность извѣстій Геродота и Страбона), и наконецъ, чрезъ Каиаръ, Мансуру и Даяиатъ, отправляется въ Палестину.

Нашъ очеркъ, слишкомъ краткій, и наши выписки, по необходимости, слишкомъ малочисленныя, могутъ, однакъ, до нѣкоторой степени показать, какую важность въ ученоемъ отношеніи имѣетъ «Путешествіе по Египту и Нубіи»; не говоримъ ужъ о томъ, что авторъ вполне знакомитъ насъ съ важнѣйшими результатами открытій, сдѣланныхъ новѣйшими учеными: мы видѣли что на каждомъ шагу онъ исправляетъ и дополняетъ ихъ собственными открытіями, собственными изслѣдованіями. Мы ограничились указаніемъ немногихъ примѣровъ; еслибъ мы захотѣли перечислить всѣ, намъ должно было бы по нѣскольку разъ сослаться на каждую главу, почти на каждую страницу сочиненія, классическое достоинство котораго давно ужъ признано. Но неполный обзоръ нашъ былъ бы слишкомъ одностороненъ, еслибъ мы, обращая главное вниманіе на ученую важность книги, опустили изъ виду ея повѣствовательную часть. Интересныя путевыя встрѣчи, картины природы, изображенной съ поэтическимъ одушевленіемъ, личное знакомство съ замѣчательнѣйшими людьми новаго Египта, бесѣды съ Мехмедомъ-Али и Ибрагимомъ, частые разговоры съ Клот-беомъ, Солиманомъ-пашою и многими другими, придаютъ живую занимательность разсказу. Выпишемъ здѣсь по нѣскольку строкъ изъ двухъ сценъ, изображающихъ нервныя свиданія путешественника съ знаменитыиъ вице-королемъ Египта и его храбрымъ сыномъ.

«По обширному крыльцу, слабо освѣщенному, мы вступили въ аванзалъ, и уже оттуда прямо вошли въ диванную верховнаго паши. Посреди обожженной комнаты стоялъ на полу огромный подсвѣчникъ, подобный нашимъ церковнымъ паникадиламъ; въ немъ горѣли тавіи же огромныя свѣчи, какъ наши мѣстныя, а въ глубинѣ комнаты, довольно высокій диванъ занималъ всю стѣну; нвавахъ другихъ небелей тутъ не было. Завидя насъ въ дверяхъ, Мегметъ Али, сидѣвшій поджавъ ноги въ углу дивана, имѣя передъ собою своего драгомана, тотчасъ всталъ, подошелъ въ намъ, привѣтствовалъ дружелюбно по обычаю восточному и пригласилъ насъ сѣсть возлѣ него, между тѣмъ какъ его первый министръ Богосъ Бей в драгоманъ почтительно стояли противъ него.

«Все мое вниманіе устремилось на маститую голову этого знаменитаго человѣка, и я старался прочесть въ чертахъ его лица бурную исторію его жизни. Чело его, освѣненное блѣдомъ обширною чалмою, и весь низъ лица, покрытый широкою сѣдою бородою, при малой подвижности физиогноміи и тѣлодвиженій показываютъ сначала тихаго и европнаго старца; но быстрота сѣрыхъ его глазъ, блистающихъ изъ-подъ насупленныхъ сѣдыхъ бровей, и принужденная хотя и тихая улыбка, обнаруживаютъ, послѣ пристальнаго разсмотрѣнія, глубокую скрытность, стойкость, гениальный умъ, и наконецъ— истребителя Мамелюковъ. Я вглядывался въ его физиогномію въ продолженіи церемоннаго процесса, когда подносили ему и намъ шербетъ и трубки, которыя мы приняли

съ обычными въ Востокѣ привѣтствіями, обращенными къ нему, привѣла руку ко лбу и сердцу; онъ намъ отвѣтилъ тавимъ же образомъ. Первый вопросъ его, мнѣ сдѣланный, былъ о цѣли моего путешествія. Я отвѣчалъ ему, что я хаджи, ѣдущій въ Іерусалимъ. Мнѣ показалось, что это его удивило, ибо онъ ожидалъ, что я ему скажу, что я прѣхалъ видѣть возрождающійся подъ его рукою Египетъ. Но онъ продолжалъ рѣчь въ моемъ смыслѣ... Вскорѣ болѣе привлекательный для него разговоръ занялъ насъ: я изъявилъ ему желаніе видѣть во всѣхъ подробностяхъ Египетъ, а онъ предлагалъ мнѣ всѣ нужныя пособія... Мы провели болѣе часа въ любопытной бесѣдѣ о его явовведеніяхъ и я остался вполне довольнымъ его необыкновенно ласковымъ пріемомъ (I, 105—108).

«Ибрагимъ паша отправлялся въ Сирію, по причинѣ вновь возникшихъ безпокойствъ; онъ не замедлилъ прибыть (въ Дамьятъ). На другой же день по утру, узнавъ, что я желаю его видѣть, онъ пригласилъ меня и принялъ за просто, въ присутствіи только одного драгомана. Ибрагимъ показался мнѣ человѣкомъ глѣть за сорокъ пять; роста средняго; борода его очеь мелкая; глаза сѣрые и довольно быстрые, но безъ гениальности. Первое слово его было, что онъ меня, какъ человѣка военнаго, принимаетъ по походному; онъ спросилъ меня, гдѣ я былъ раненъ, сказалъ мнѣ, что читалъ подробное описаніе знаменитой кампаніи 1812 года; и съ своей стороны началъ ему говорить про его послѣднюю кампанію противъ Турокъ, о сраженіи подъ Кошію, вѣ сказалъ ему, что я везу съ собою планъ его кампаніи, данный мнѣ Солиманомъ-Пашею. Наконецъ онъ мнѣ объявилъ, что надѣется встрѣтить меня въ Сень-Жанъ-д'Акрѣ, или въ другвхъ мѣстахъ Сиріи; я самъ коснулся имени этой крѣпости, взятіе которой составляетъ одинъ изъ лучшихъ вѣнковъ его; вспомнили Наполеона, и тутъ глава его заблестала. «Да, воскликнулъ онъ, Наполеонъ не могъ ее взять». Я не считалъ нужнымъ говорить ему, что это сравненіе несосвѣтъ правильно, въ тому же намъ поднесли шербець в трубки... (II, 412—413).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ нами достоинствъ, «Путешествіе по Египту и Нубіи» замѣчательно статистическими свѣдѣніями о Египтѣ, которыя авторъ собралъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Важнѣйшія измѣненія, происшедшія съ 1835 года въ положеніи страны, отмѣчены въ дополненіяхъ; потому-что второе изданіе, нынѣ вышедшее, пересмотрѣно авторомъ, какъ доказываетъ сличеніе его съ прежнимъ. Еще болѣе пополненій находимъ въ новомъ изданіи «Путешествія по Святой Землѣ»; самъ авторъ называетъ его «дополненнымъ» и говоритъ въ предисловіи:

«Приступивъ къ третьему изданію моего Путшествія по Святой Землѣ, я старался сдѣлать мою книгу достойнѣе того лестнаго пріема, которымъ она была почтена. Мнѣ пріятно было видѣть, что новѣйшія наслѣдованія ученыхъ путешественниковъ Робинсона и Смита, вполне достойныя того вниманія, которое обратили на нихъ Англія и Германія подтвердили сдѣланныя мною изысканія библейскихъ мѣстъ» (III, предислов. VI).

Подтвержденіемъ этихъ словъ будетъ служить нашъ обзоръ, въ которомъ обратимъ исключительно вниманіе на археологическую и повѣствовательную стороны сочиненія, оставляя неприкосновенною чисто-религіозную часть его, придающую, конечно, наибольшую привлекательность книгѣ, но неподлежащую нашему разбору. Не можемъ однако не замѣтить слѣдующихъ строкъ, показывающихъ общій характеръ сочиненія и его достоинства:

«Географія и топографія Палестины въ примѣненіи въ тексту Священнаго Писанія, были доселѣ мало объяснены очевидцами. Я имѣлъ отчасти цѣлью облегчить, въ этомъ отношеніи, чтеніе многихъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ... Я тогда только пользовался указаніями путешественниковъ, когда находилъ на мѣстѣ ихъ показаніи согласными съ текстомъ Библии. Библия есть вѣрнѣйшій путеводитель по Святой Землѣ, и я считаю себя счастливымъ, что по большой части имѣлъ при себѣ во время моего пути только одну Библию» (III предислов. VII—IX).

Дѣйствительно, если высшій христіанскій духъ просвѣщалъ благочестиваго автора во время путешествія по долинѣ Нила, въ которой по преимуществу видитъ онъ землю, освященную временнымъ пребываніемъ Спасителя, прославленную чудесами Моисея и подвигами Іосифа, эпитафюмъ въ описанію которой служитъ ему слова Осн: «Изъ Египта возвахъ сына моего», обзоръ развалинъ и иссохшихъ каналовъ которой заключаетъ онъ пророчествомъ Исая: «И опустошитъ Господь море египетское и возложитъ руку свою на рѣку духомъ высокимъ»—если въ Египтѣ, гдѣ такъ много другихъ воспоминаній, направляло взоръ автора чувство христіанина, то въ зонлѣ народа Божія, въ странѣ, освященной жизнью и страданіемъ Спасителя міра, тѣмъ болѣе долженъ проникнуться и проникается путникъ духомъ Священнаго Писанія. Но, какъ и прежде, онъ съ благочестіемъ соединяетъ ученость, и, основываясь на Библии, пользуется всеми пособіями науки. Доказательство того представляютъ первыя же страницы книги, заключающія въ себѣ глубокомысленное и принятое послѣ русскаго путешественника европейскими учеными опредѣленіе точки исхода израильтянъ изъ Египта:

«Должно замѣтить, сколь ошибочно полагаюгъ путь Израильтянъ изъ Египта отъ Мемфиса. Царь Давидъ обозначаетъ (псал. LXXVII, 12 и 13) Цоанъ мѣстомъ дѣйствій между Моисеемъ и Фараономъ Египетскимъ, а въ книгѣ Моисеевой этотъ путь начертанъ довольно подробно. Сперва объяснена причина, почему Моисей не повелъ Израильтянъ прямымъ путемъ въ Землю Обѣтованную. «Егда же отпусти Фараонъ люди, «не поведе ихъ Богъ путемъ земли Филлистимсія, яко *близъ бѣше*, да не когда рас-
«каются людіе ввдѣвше рать, и возвратятся во Египеть. И обведе Богъ люди путемъ.
«ниже въ пустыню къ Черному морю». Далѣе: «воздвигше же сл сынове Израилевы отъ
«Сокхоеа, ополчашася во Оеомъ при пустыни. И рече Господь къ Моисею: рцы сыномъ
«Израилевымъ, и обратившеся да ополчатся прямо придворію, *между Магдоломъ* «
«*между моремъ, прямо Веельсенфону*, предъ ними ополчшися *при мори*»...
Прежде этого, Моисей сказалъ Фараону, что онъ пойдетъ на три дня въ пустыню, для принесенія тамъ жертвы Богу—это есть разстояніе отъ Цоана до Суэйза; въ тому же Моисей ввбратъ этотъ путь съ вамъбревіемъ, чтобы скрытъ отъ Фараона свое направленіе къ Палестинѣ (XIII, 17—18). Но путь изъ Мемфиса въ Палестину чрезъ Суэйзъ есть путь прямой, который не соотвѣтствуетъ тому *обводу* въ пустыню къ Черному морю, о которомъ говоритъ Моисей. И земля Мемфиса не можетъ быть названа сосѣднею съ Палестинскою (яко *близъ бѣше*)» (III, 17—19).

Потомъ авторъ опредѣляетъ положеніе Веельсенфона въ подтвержденіе своему мнѣнію, и приводитъ много другихъ доказательствъ, ого подкрѣпляющихъ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить въ другихъ случаяхъ выписокъ изъ новѣйшихъ европейскихъ изслѣдователей, посѣтившихъ Святую Землю послѣ А. С. Норова, и принимающихъ мнѣнія, имъ высказанныя, но мы хотимъ представить хотя одивъ примѣръ того, до какой степени признаны послѣдующими учеными открытія, сдѣланныя русскимъ ученымъ, и потому приводимъ по изданію, вышедшему въ нынѣшнемъ году, слѣдующее мѣсто изъ «Библейскихъ изслѣдованій въ Палестинѣ» и пр. Робинсона и Смита, замѣчательнѣйшаго изъ новыхъ трудовъ по географіи Палестины:

«Обоврѣніе мѣстности убѣдило насъ, что ни отъ какого пункта близъ Геліополя или Каира (т. е. въ *окрестностяхъ Мемфиса*) невозможно достигъ Чернаго моря въ три дня пути, о которомъ говоритъ Библия. И разстояніе и совершенный недостатокъ воды по втѣмъ дорогамъ дѣлаютъ невозможнымъ предположеніе, нами отвергаемое (т. е. что Израильтяне вышли изъ Мемфиса). Мы читавмъ, что изъ Египта вывели шесть есть тысячъ мужей, старше двадцати лѣтъ; конечно, столько же было съ ними

и взрослых женщин, в по крайней мѣрѣ еще столько же дѣтей, юношей и дѣвицъ моложе двадцати лѣтъ; крѣнѣ того, было множество рабовъ съ огромными стадами скота. Итакъ все число Израильтянъ не могло быть менѣе двухъ миллионѣвъ. Обыкновенный дневной путь самаго крѣпшаго и снабженнаго всѣмъ войска полагается не боѣе, какъ двѣнадцать англійскихъ географическихъ миль (*которыя считаются 60 въ градусахъ; итакъ 22 версты въ день*); въ Пруссіи дневной маршъ войска полагается не боѣе трехъ нѣмецкихъ миль (*21 верста*); и притомъ черезъ каждые три дня войско необходимо должно имѣть день отдыха. Невозможно предполагать, чтобъ Израильтяне съ женами, дѣтьми в стадахъ были въ состояніи проходить въ сутки большее разстояніе. А по всѣмъ путямъ отъ Геліополя (*близъ Мемфиса*) или Мемфиса до Чермнаго моря разстояніе не менѣе шестидесяти англійскихъ географическихъ миль (*105 верстъ*)—чего нивакъ не могли перейти они менѣе, нежели въ пять дней.

«Преслѣствіе, происходящее отъ недостатка воды для людей, Израильтяне могли бы устранить, ваявъ запасы воды изъ Нила, какъ нынѣ дѣлаютъ караваны. Но Фараонъ хѣлъ же путемъ преслѣдовать ихъ съ огромнымъ количествомъ лошадей, колесницъ и коннаго войска—а это было бы невозможно ни по одной изъ дорогъ, ведущихъ отъ Каира къ Червному морю. Правда, в нынѣ берутъ иногда съ собою лошадей, но для нихъ берутъ и огромный запасъ поды, какой до крайности обременитъ бы Фараона—по два мѣха для лошади; шесть такихъ мѣховъ составляютъ вывозъ верблюда, слѣдовательно на ваядкахъ трехъ лошадей необходимо брать верблюда съ водою. И при всемъ томъ часто лошади падаютъ, не перенося этого пути. Что касается до израильскихъ стадъ, то овецъ и ковъ было бы еще можно гнать этою дорогою; но для стадъ рогатаго скота былъ бы нуженъ такой же огромный запасъ воды, какъ и для лошадей» (часть I, стр. 82—83).

На основаніи этихъ соображеній и опредѣленія мѣстностей, подобнаго тому, какое встрѣчаемъ у русскаго ученаго, Робинсонъ и Смитъ заключаютъ, что исходнымъ пунктомъ израильтянъ должно принимать Цоанъ. Въ параллель всѣмъ послѣдующимъ выпискамъ нашимъ изъ «Путешествіи по Святой Землѣ», мы точно также могли бы привести подобныя мѣста изъ изслѣдованій, изданныхъ послѣ этой книги нѣмецкими и англійскими учеными, и показать, какъ оправдываются новѣйшею наукою мнѣніи, принимаемый русскимъ изслѣдователемъ; но, повторяемъ, этого не позволяетъ намъ мѣсто, и мы должны ограничиться однимъ примѣромъ, представленнымъ выше, позволяя себѣ только еще два или три раза впоследствии сослаться на Робинсона и Смита, а въ большей части случаевъ не приводя и этихъ цитатъ, чтобъ не увеличивать объема нашей статьи. Изложенное выше мнѣніе объ исходѣ израильтянъ изъ Цоана, а не Мемфиса, необходимо заставляетъ насъ возвратиться къ мнѣнію ученаго автора, что во время Моисея столицей Египта былъ не Мемфисъ, какъ обыкновенно думали, а Цоанъ. Вотъ доказательства, которыми подтверждаетъ онъ этотъ чрезвычайно-важный для исторіи фактъ:

«Изъ описанныхъ писателей, о Мемфисѣ упоминаетъ первый Исаія, а изъ языческихъ Иродотъ. Еслибъ Мемфисъ былъ при Моисей столицей Египта, то конечно бы священныя книги древнѣе Исаи упоминали о немъ; къ тому же самъ Моисей въ книгѣ Числъ указываетъ на Цоанъ, какъ на главный городъ Египта, а въ послѣдствіи и Божественный прѣсвѣтъ Давидъ въ псалмѣ LXXVII, 13, гдѣ самое выраженіе: *поле Цоанъ* обозначаетъ плоскую мѣстность. Нынѣ доказано, что исходъ Израильтянъ послѣдовалъ во время владычества XIX-ой династіи, а эта династія была не Мемфисская, а Танетійская» (*то-есть Цоанская, потому-что Танетъ другое имя Цоана*). (III, 10—11).

Точно также Робинсонъ и Смитъ (часть I, стр. 88) доказываютъ, что дворъ Фараона, современнаго Моисею, былъ въ Цоанѣ. Точно также принимается нынѣ всѣми учеными мнѣніе русскаго путешественника, что земля Гесемъ или Гошенъ

которая была отдана израильтянамъ въ Египтѣ, лежала при озерѣ Монзале, по пелузійскому рукаву Нила, гдѣ теперь провинція Эль-Шарвіе, самая богатая изъ всѣхъ областей нынѣшняго Египта («Путеш. по Египту» I, 269 и слѣд. «Путеш. по Св. Землѣ» III, 19. Робинсонъ и Смитъ, часть I, стр. 84 и слѣд.).

Черезъ Суэзскій Перешеекъ, описаніе котораго оживлено картинами жизни бедуиновъ, авторъ достигаетъ Земли Обѣтованной, юго-восточныя границы которой весьма точно опредѣляетъ при помощи Библии; видитъ Газу, съ воспоминаніями о Сампсонѣ, Аскалонъ, равно-знаменитый во время могущества Филистимлянъ и въ періодъ крестовыхъ походовъ; повсюду напоминаетъ библейскія пророчества, славныя событія исторіи, и такимъ образомъ доходитъ до мѣстности, гдѣ должно искать Аккарона, одного изъ главныхъ городовъ филистимскихъ, положеніе котораго оставалось неизвѣстно прежнимъ ученымъ. Соображая указанія Библии, ученый изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что древній Аккаронъ—нынѣшнее селеніе Барга, лежащее между Азотомъ и Іемне. Робинсонъ и Смитъ опредѣляютъ положеніе Аккарона также между Азотомъ и Іемне (Робинс. часть III, стр. 231). Наконецъ, на вербную субботу достигаетъ онъ цѣли благочестиваго своего странствованія—Іерусалима, которому посвящена большая половина первой части путешествія; въ говоря уже о подробномъ и точномъ описаніи города, о прекрасномъ очеркѣ его исторіи, екажемъ, что авторъ посѣщаетъ всѣ окрестности и повсюду объясняетъ затруднявшія предшественниковъ его мѣстности; съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ повѣствуетъ онъ о страстной седмицѣ и торжествѣ Пасхи. По нашему плану, мы не можемъ слѣдить за авторомъ въ этомъ обзорѣ; но не можемъ не выписать по крайней мѣрѣ двухъ мѣстъ: разсказа о впечатлѣніи, какое производитъ первый взглядъ на храмъ Гроба Господня, и описанія Омаровой Мечети, занимающей мѣстность храма Соломонова, которой никто изъ русскихъ не видѣлъ до А. С. Норова, которой не видѣлъ почти никто и изъ другихъ христіанскихъ путешественниковъ, а изъ видѣвшихъ никто не описалъ съ такою точностью.

«Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня; обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста в погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, я увидѣлъ сидящихъ, поджавъ ноги, Турокъ, съ трубами во рту, и играющихъ въ шахматы;—мое сердце сжалось грустію;—толпа разступилась передъ нашныянычаромъ,—и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраноромъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облакалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово.—«Господи!»—сказалъ я невольню, павъ ницъ со слезами—«страданія Твои еще не прекратились! Крешенные во святое Имя Твое в искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища Твои!»

«Но христіане не должны смущаться, что тавія великія святины находятся въ уничтоженіи языческомъ:—Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя:—тутъ я дышалъ свободнѣе—отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа...» (III, 90—91).

«Самые слѣды чудеснаго храма Соломонова стерты съ лица земли... На этомъ священномъ мѣстѣ возвышается теперь великолѣпная мечеть Омарова; она занимаетъ въ ряду восточныхъ адашъ то же мѣсто, которое имѣетъ Пантеонъ въ классической архитектурѣ. Мечеть Омарова въ Іерусалимѣ, называемая Эль-Сахара-ль-лахъ пользуется почти одинаковою знаменитостью на Востокѣ, какъ и мечети Медины и Мекки. Магометъ въ

первые дня выдачи Корана, повелѣлъ, чтобы Мусульмане, во время молитвъ своихъ, обращались къ мечети Иерусалимской. Входъ въ нее воспрещенъ Христіанамъ подѣ смертною казнью. Свидней Смятъ, зашатавша Мусульманъ противу Французовъ во время экспедиціи Бонапарте, не могъ найти способа проникнуть туда. Даже до сей поры, когда вліяніе Европейцевъ на Востокъ сдѣлалось такъ сильно, мы знаемъ о внутренности мечети Омаровой только по невѣрному описанію Али-Бея (*испанского ренегата*)... Госпожа Бельзони, переодѣтая въ мусульманское платье, въ 1818 году, быстро пробѣжала часть мечети Омаровой, волнуемая страхомъ и все, что сказала о ней, также совершенно невѣрно. Но то, что мы знаемъ положительнаго объ этой мечети, заимствовано у медика Ричардсона, который видѣлъ эту мечеть въ тайнѣ, находясь въ служебнѣ при Мусульмѣ Иерусалимскомъ. Я имѣлъ случай осмотрѣть... мечеть Омарову, эль-Сахару. Мое описаніе не можетъ быть обстоятельно, потому что въ одинъ часъ времени я не могъ ввѣвать въ подробности, но по крайней мѣрѣ оно будетъ вѣрно. Скажу прежде о случаѣ, доставившемъ мнѣ туда входъ.—Въ бытность мою въ Египтѣ я пользовался благосклонностію Мегмета-Али. Я получилъ отъ него... письмо къ Пашѣ Сирійскому Шерифу, его зятю. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Шерифъ Паша во время моего пребыванія въ Иерусалимѣ, прибылъ туда... Не желая, чтобы онъ отказалъ мнѣ въ чемъ бы то ни было лично, я послалъ... моего драгомана выхлопотать отъ Паши разрѣшеніе на входъ въ мечеть Омарову. Шерифъ Паша представлялъ ему всѣ трудности и опасности, сопряженныя съ исполненіемъ нашего желанія, хотѣлъ ссылаться на совѣтъ шейховъ Иерусалимскихъ, желая сложить на нихъ неуспѣхъ; во мой драгоманъ, зная, что въ письмѣ Мегмета-Али къ Шерифу было употреблено выраженіе: «выполнить все, чего дуня моя пожелаетъ», пребылъ настойчивъ. Положено было, что на слѣдующій день, рано поутру, кавасъ Паши Сирійскаго явится къ намъ съ повѣдѣніемъ Иمامу мечети Омаровой; но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ просили скрыть нѣсколько нашихъ Европейскій костюмъ подѣ восточною одеждою. Никогда не было примѣра такого почти officialнаго доволенія, в безъ сомнѣнія мы одолжены за этотъ успѣхъ могущественному дѣйствию имени Русскихъ. Кавасъ явился къ положенному часу... Нѣкоторые изъ насъ были одѣты совершенно по восточному, но если кто изъ насъ менѣе всѣхъ походитъ на Мусульманина, то это, конечно, я; на Европейское мое платье былъ накинутъ на распанку Армянскій халатъ, а на головѣ моей, вмѣсто чалмы или фески, была моя старослуживая военная фуражка. Люди наши, на всякій случай, были хорошо вооружены. Мы вступили подѣ сводъ грозныхъ для Христіанъ воротъ; они занимали мѣсто тѣхъ... гдѣ апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили хромого... Мусульмане въ особеннаго предпочтенія къ этимъ воротамъ всегда освѣщаютъ ихъ лампами... Оставя въ воротахъ туфли, мы вступили на мраморный помостъ обширнаго двора. Этотъ помостъ вмѣстѣ, какъ полагаютъ, 100 футовъ въ длину и 500 въ ширину, и весь устланъ плитами бѣлаго мрамора... Середина этой мраморной площадки занята четверостороннею платформою, возвышающеюся ступеней на 20, также изъ бѣлаго мрамора. Туда ведутъ съ каждой стороны крыльца, украшенныя росшными портиками. Посреди этой платформы отдѣляется еще другая, о седми или восьми ступеняхъ, в ва вей уже возвышается осьмиугольный храмъ, исполненный зодческой гармоніи. Куполь, самой чистой сферической пропорціи, основанъ на восьмиугольномъ фоварѣ и слить съ нимъ въ прямую линію; онъ увѣнчанъ золотымъ полумѣсяцемъ. Стѣны одѣты разноцвѣтною узорчатою кафелью, которая отливадается евинимъ цвѣтомъ; во многить мѣстахъ цвѣточные узоры искусно слиты съ позолоченными изрѣченіями Корана. Нѣсколько фонтановъ, подѣ красивыми куполами на легкыхъ колоннахъ, льстятъ слуху своимъ журчаньемъ подѣ жаркимъ небомъ. Разбросанныя группы кипарисовъ, лавровъ и померанцевъ вырываются кое-гдѣ изъ скважинъ мраморныхъ плитъ... Я не видѣлъ внутренности Золотыхъ Воротъ, отъ того, что не зналъ, что туда есть входъ; говорить, что онѣ замѣчательны. Преданіе, что въ эти всрота войдетъ Христіанскій побѣдитель Мусульманъ, глубоко вкоренено въ здѣшнихъ жителяхъ. На этомъ предположеніи Золотыя ворота закладены еще при Омарѣ... Онѣ были наружными вратами Храма или притвора оломонова... Неподдалеку отъ Золотыхъ воротъ, при поворотѣ городской стѣны отъ востока на югъ, показываютъ въ вей Мусульмане большой камень, говоря, что онъ принадлежалъ трону Соломонову... Противъ восточныхъ дверей храма построенъ мраморный

норный водоемъ, особенной красоты. Онъ имѣетъ также форму осьмаугольника: вставъ его, покрытыя подобнымъ куполомъ какъ на мечети, поддержаны кругомъ дѣлшвыми рядомъ легкихъ коринтскихъ колоннъ. Это мѣсто навъшавтъ трономъ или оудвишннѣ Давидовымъ. Мы вошли въ вавъ-Сахару черезъ сѣвврныя дврня, которыя навъшавтсѣ Бабуль-Джинна, т. е. дврня рая. Южныя дврня навъшавтсѣ «дврня молитвы»; восточныя — «Давидовы»; западныя «дврня войны». Всѣ онѣ были тогда растворены; во темный свѣтъ, падающій сквозь разноцвѣтныя стекла нѣвъ вставъ оконъ купола, разавналъ необыкновенную таинственность ва предметы. Два круга колоннъ нѣвъ разавго мрамора, съ позолоченными капителями, поддерживаютъ арки потолка: онѣ конечно принадлежали зданіямъ древняго Іерусалима. Первый рядъ, заключающій 16 колоннъ и 8 пилластровъ, вдетъ вокругъ стѣнъ, а второй рядъ, имѣющій 15 колоннъ и 4 тумбы, находимся подъ самымъ основаніемъ купола и имѣетъ, по моему счету, 83 шага въ окружности. Этотъ второй рядъ колоннъ основанъ на небольшомъ подъемѣ и идетъ вокругъ необъданнаго, огромнаго камня, свады, обнесенной поволоченною рѣшткою. Длина второй свады—во весь діаметръ купола; шврива—меньше, а высота превскладатъ чловѣческій ровтъ. Эта свада составляетъ святилище храма; весь Востокъ имѣетъ къ ней глубокое благоговѣіе, и по ней называется мечеть эль-Гаджара Сахаръ-дахъ, т. е. мечетью божественнаго камня... Есть предаше, что этотъ камень перенесенъ сюда изъ Веенля.. что на этомъ камнѣ опочилъ Іаковъ, когда онъ видѣлъ во снѣ небесную лѣству, и что на немъ былъ утверженъ Кивотъ Завета... По словамъ нмама, камень этотъ упалъ съ неба... Подъ камнемъ есть спускъ въ пещеру; передъ входомъ туда, стоять приподжанныя въ камню и въ рѣшткѣ разныя хоругви. Тутъ штъ Магометова, знамя и опромный метъ Аля; но тутъ же и копые Давидово. Тутъ же, на камнѣ, лежитъ подлинная руковьс Корава... При слохѣ въ пещеру, камень подержанъ съ двухъ вравѣ двумя малыми колоннами изъ бѣлаго мрамора: онѣ утверждены косвенно въ полъ в. въ камень. Эти колонны, по мнѣнію Магометанъ, должны раздавить всякаго Христіянина, двравннаго ступить между ими; несмотря на то, мы спустились въ пещеру по восьми или девяти ступенямъ, также изъ бѣлаго мрамора. Эта пещера, называемая Магометанами «сходомъ въ подземное царство душъ», есть не что иное, какъ квадратная комната, шагомъ въ восемь пространства и венного выше чловѣческаго роста. Она грубо оштукатурена, вромѣ потолка, который образованъ камнемъ. «Не думайте»—сказалъ мнѣ Нмамъ— «чтобы стѣны поддерживали этотъ вавевъ; нѣтъ, онъ держится самъ собою, а стѣны служатъ только для образованія пещеры». Эти слова объясняютъ столь вавѣотную басню о камнѣ, держащемся на воздухѣ... Внутри мечети расточены кафельныя украшенія, вмѣстѣ съ мраморомъ, который похищенъ изъ храма Гроба Господня. На каедратъ блестящя кафеля представляютъ видъ драгоцѣнныхъ камней... Мусульмане увѣрены, что еслибы Христіянинъ, вошедшій въ эль-Сахару, стать молить Бога объ уничтоженіи Исламизма, то Овъ услышалъ бы его. Вѣроятно, они основываютъ такое мнѣніе на сказанномъ въ книгѣ Паралипоменонъ о посвященіи Храма Соломономъ: «и явился Господь Соломону ночью и рече ему: избрать мѣсто сіе Метъ въ домѣ жертвы... И вынѣ очи Мои будутъ отверсты и уши Мои послушна къ молевію мѣста сего». Но судьбы Божіи совершаются! съ важнымъ днемъ времена язычниковъ скончаваются; невнятый слухъ, нагубный предвѣстникъ паденія царствъ, быстро распространяется отъ Каспійскаго моря до Южнаго Океана, среди послѣдователей Магомета—и запустѣніе водворяется въ разрушающихся капацахъ Ваала...» (III, 270—292).

Читатели извинятъ насъ за то, что мы нарушили стройность этого послѣдняго описанія, принуждены будучи опустить большую часть историческихъ воспоминаній, возбуждаемыхъ Соломовымъ Храмомъ, и высказанныхъ съ истинно-поэтическимъ одушевленіемъ: мы желали по крайней мѣрѣ передать существенное и необходимость заставляла насъ ограничиться только извлеченіемъ изъ обширнаго разсказа, занимающаго нѣлую главу. Первымъ мѣстомъ, куда направился путешественникъ изъ Іерусалима, былъ Виноземъ. И здѣсь, какъ вездѣ, онъ записываетъ предаше, бывшія до него неизвѣстными, находить предметы, незамѣченные

другими, не столь пронизательными или не столь счастливыми путешественниками.

«Высота, находящаяся на лѣвой сторонѣ отъ дороги (изъ *Иерусалима* въ *Вивлеемъ*) называется Герою патриарха Іавова; а еще лѣвѣе, совсѣмъ въ сторонѣ отъ дороги, находится выдолбленный камень; въ простонародьи говорятъ, что тутъ Пресвятая Дѣва часто отдыхала съ младенцемъ Іисусомъ. Объ этомъ каменѣ я доселѣ не чталъ ни въ одномъ изъ путешественниковъ. Нынѣ я нахожу въ путешествіи Дашила Игумена указаніе на самый этотъ камень. Когда мы вспомнимъ, что Дашилъ путешествовалъ въ началѣ XII вѣка, то нельзя не удивляться чудному сбереженію сего камня, лежащаго на распутии; это дастъ намъ мѣру того уваженія, которое сохраняютъ жители Палестины въ предметамъ, съ которыми хотя нѣсколько соединены оаяшвинныя преданія» (III, 385—386).

Прилагая рисунокъ этого замѣчательнаго открытія, авторъ говоритъ, что нѣкогда камень былъ принадлежностью термъ. Потомъ онъ опредѣляетъ мѣстность «горнаго града Іудина», находя, что это Іута или Іетте (III, 390) и поправляетъ ошибку Робинсона. Вторая поѣздка его изъ Іерусалима въ Вееиль, котораго не посѣщалъ ни одинъ извѣстный путешественникъ, поэтому описаніе Вееиля (IV, 13—17) первое въ наукѣ; на пути авторъ опредѣляетъ неизвѣстное прежде положеніе Рамы (впослѣдствіи Робинсонъ опредѣляетъ ее подобнымъ же образомъ), отыскиваетъ тамъ надгробный памятникъ, который, быть-можетъ, есть гробница Самуила, потомъ находитъ Гаваонъ (нынѣ Эль-Биръ), знаменитый чудомъ Іисуса Навина—всѣ эти мѣстности не были прежде опредѣлены, или опредѣлялись ошибочно. Третья поѣздка автора изъ Іерусалима въ Виеавію, Іерихонъ, къ Мертвому Морю, въ обитель св. Саввы, гдѣ находитъ онъ драгоценныя славянскія рукописи, которыя привозитъ въ отечество. Пятою поѣздкою изъ Іерусалима было путешествіе въ Хевронъ; отсюда путешественникъ опять возвращается въ Іерусалимъ, чтобъ проститься съ нѣстомъ, освященнымъ страданіями Спасителя, направляясь въ Галилею. На пути этомъ онъ опредѣляетъ мѣстность Эмауса, Каріае-Іарима, Силома, описываетъ Яфу, Наблусъ, Сихемъ, Санарію, Фаворъ и наконецъ Назаретъ, въ одномъ изъ храмовъ котораго замѣчаетъ престольный образъ Нерукотвореннаго лика Спасителя. По преданіямъ назаретскимъ, этотъ образъ—списокъ съ образа, принесеннаго апостоломъ Фаддеемъ Эдесскому царю Авгарю. Никто изъ предшествовавшихъ русскому изслѣдователю путешественниковъ не писалъ еще объ этой драгоценности; онъ дѣлаетъ снимокъ съ образа, приложенный къ первому изданію книги; потомъ, обозрѣвая берега озера Тиверіадскаго или Геннисаретскаго, исправляетъ ошибки другихъ изыскателей, и точнымъ образомъ опредѣляетъ мѣстность Геннисарета и Капернаума; посѣщаетъ Кану Галилейскую, гору Карилъ, Акру, Тиръ и наконецъ Сидонъ, границу Земли Обѣтованной, повсюду въ прекрасныхъ очеркахъ припоминая библейскія событія и рассказывая елавныя историческія воспоминанія.

«Здѣсь я оканчиваю мое путешествіе по Святой Землѣ (воскликаетъ благочестивый ученый, покидая Сидонъ и отправляясь въ Малую Азію). Іерусалимъ, бѣдный, дикій, разрушенный, пастушескій Вивлеемъ, забытый въ горныхъ ущельяхъ Назаретъ, разбросанныя груды городовъ Израильскихъ, заглохшіе пути Земли Обѣтованной, преисполнили всѣ мои надежды! Увидѣвъ Святую Землю, я узналъ всю тщету видѣннаго мною доселѣ, и еслибъ я началъ свой путь на Востокъ съ Палестины, то не поѣхалъ бы смотрѣть на колоссальное великолѣше древнихъ Египтян!»

Мы видѣли, что каждый шагъ ученаго путешественника ознаменованъ услугами библейской географіи, топографіи, археологіи; но авторъ оказываетъ также

вначательную услугу критической исторіи нашей древней литературы, приложивъ къ своему сочиненію «Занѣчаши на путешествіе игумена Данила въ XII-мъ вѣкѣ». Всѣмъ извѣстно, что хожденіе Данила одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской литературы; но списки его, до насъ дошедшіе, очень поздны и искажены переписчиками. Для того, чтобъ исправить ошибки, часто очень затруднительныя, необходимо знаніе описываемыхъ мѣстъ, и конечно только авторъ «Путешествіи по Святой Землѣ», такъ подробно ее наслѣдовавшій по всѣмъ направлешимъ, могъ исполнить необходимое, но трудное возстановленіе текста. Онъ говоритъ:

«Я нѣсколько разъ отказывался читать рассказъ Данила, находя въ немъ самыя грубыя географическія в мѣстныя несообразности; но увѣряю въ несомнѣнности путешествія Данила, и проникнутый важностью столь древняго памятника, а, съ помощью моего собственнаго путешествія, воспоминашій и нѣкоторыхъ древнихъ источниковъ, имѣлъ наконецъ утѣшеніе объяснить такія ошибки, вкравшіяся въ книгу Данила отъ невѣжественныхъ переписчиковъ и даже приписчиковъ».

Надобно сказать, что это исправленіе во всѣхъ подробностяхъ совершенно-справедливо и обезпечиваетъ достовѣрность показаній «Хожденія», весь интересъ котораго раскрылъ намъ только авторъ «Путешествіи по Святой Землѣ», постоянно приводя примѣры, съ какою точностью составлено это Сказаніе, «гораздо болѣе важное, чѣмъ бы можно было предполагать по его краткости».

Если «Путешествіе по Святой Землѣ» было замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ въ русской литературѣ, подобно той части «Путешествіи по Египту и Нубіи», въ которой описывается Нижній и Средній Египетъ, то «Путешествіе къ Семи Церквамъ» подобно плаванію по Нилу въ Верхній Египетъ и Нубію, было съ тѣмъ вмѣстѣ и первымъ по времени изъ русскихъ описаній путешествій по обозрѣваемой авторомъ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ русской литературѣ единственными книгами, заключавшими свѣдѣнія о Малой Азій, до того времени были «Путешествіе чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ» г. Всеволожскаго и «Обозрѣніе Малой Азій въ нынѣшнемъ ея положеніи», г. Вронченко. Справедливость требуетъ сказать, что обѣ эти книги прекрасны. Но г. Всеволожскій на быстрыхъ пути своемъ едва касается береговъ Малой Азій, которой посвящаетъ очень немного страницъ. Огромный трудъ г. Вронченки былъ бы капитальнымъ приобрѣтеніемъ въ литературѣ самой богатой; но, во-первыхъ, онъ говоритъ только о настоящемъ положеніи Малой Азій; во-вторыхъ—что еще важнѣе—онъ писалъ съ цѣлью собрать драгоценныя матеріалы для спеціальныхъ ученыхъ, а вовсе не для чтенія большинству публики; поэтому г. Вронченко придалъ своему сочиненію форму, которая составляетъ принадлежность такъ называемыхъ Handbuch'овъ, недоступныхъ для обыкновеннаго читателя. Самое ужъ оглавленіе книги его достаточно показываетъ это: сначала помѣщенъ краткій очеркъ границъ страны, потомъ слѣдуютъ рубрики: «Частнаго обозрѣнія». Отдѣленіе первое: I Горы; II Большия равнины; III рѣки; IV Озера; V Минеральныя воды и т. д. Отдѣленіе второе: I Свинцово-серебряныя рудники; II Мѣдные рудники; III Соль и т. д. Каждое подраздѣленіе состоитъ изъ отдѣловъ еще мельчайшихъ, каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ полный, драгоценный для ученаго изслѣдователя, но сухой списокъ именъ, тяжелый для обыкновеннаго читателя. Мы почитаемъ такую форму достоинствомъ сочиненія, совершенно соответствующаго своей цѣли; но обширный кругъ публики

не может пользоваться подобными книгами. Г. Вронченко въ некоторыми отдѣлами своего труда (о нравахъ жителей) показываетъ, что владѣть замѣчательныя талантомъ рассказчика, но онъ справедливо предпочелъ сухую ученую форму, которая давала ему возможность не опустить ни одной подробности, молочной для читателя, но существенной для географической полноты. Поэтому для большинства русской публики, повторяемъ «Путешествіе къ Семи Церквамъ» было первою книгою о Малой Азіи.

Какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Малой Азіи путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ мѣстности, ознаменованныя битвами крестоносцевъ; но здѣсь присоединяются къ поэтическимъ воспоминаніямъ о нихъ еще болѣе поэтическія воспоминанія о славныхъ событіяхъ классической древности. Эти рассказы, благоговѣйнымъ сказаніемъ о подвигахъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, насадителей христіанства въ этой странѣ, откуда свѣтъ его распространился на Европу, исторія церкви въ послѣдующихъ вѣкахъ, придають чрезвычайный интересъ «Путешествію», котораго разнообразіе и занимательность еще болѣе возвышаются живыми картинами чудной малоазійской природы и нравовъ разноплеменныхъ жителей этой страны. И здѣсь ученость автора даетъ ему средства объяснить много вопросовъ, которые прежде были темными или понимались неправильно, замѣтить много новаго, еще бывшаго неизвѣстнымъ; такъ, напримѣръ, въ Лаодикии находятъ онъ надпись, свидѣтельствующую о соборѣ, бывшемъ противъ ереси монтановой, около 321 года (стр. 66); лидійскіе надгробные курганы, прототипъ египетскихъ пирамидъ, даютъ новое подтвержденіе мнѣнію его, что египетскія пирамиды, по крайней мѣрѣ главныя и древнѣйшія, были построены чужеземными завоевателями, которые долгое время владѣли Египтомъ (стр. 144)—чрезвычайно важное открытіе, достовѣрность котораго теперь подтверждается наслѣдованіями Лопсіуса, разоблачающаго загадки древнѣйшаго періода египетской исторіи, оставшіяся тайною для Шамполіона. Но мы не будемъ перечислять всѣхъ новыхъ соображеній и наблюденій, сдѣланныхъ въ Малой Азіи ученымъ авторомъ; обзрѣвая путешествія «по Египту и Нубіи» и «по Святой Землѣ», мы обращали преимущественно вниманіе на эту сторону трудовъ русскаго изыскателя; подобная же точка зрѣнія должна по необходимости принадлежать анализу его наслѣдованія объ Атлантидѣ; поэтому, обзрѣвая «Путешествіе къ Семи Цорквамъ», мы хотимъ ограничиться описательною и повѣствовательною стороною сочиненія, столько же отличающагося достоинствами изложенія, сколько и учеными достоинствами.

Изъ Бейрута, мимо Кипра, плыветъ авторъ въ Атталію на греческомъ торговомъ кораблѣ «Пенелопъ»; пассажиры подвергаются опасностямъ отъ корыстолюбія икипера, который, по какимъ-то выгоднымъ торговымъ сдѣлкамъ, сходитъ на берегъ въ Лимисоли, гдѣ свирѣпствуетъ чума; въ Атталіи объявляютъ невиннымъ пассажирамъ, что выходъ на берегъ воспрещенъ для нихъ, потому-что въ городѣ этомъ чума; напрасно объясняютъ они, что въ такомъ случаѣ не могутъ быть они опасны для Атталіи; напрасно авторъ изъявляетъ готовность выдержать карантинъ для успокоенія паши зачумленнаго города: странное запрещеніе не отменяется. Тогда путешественники выходятъ на берегъ насильно, разгоняя однимъ видомъ пистолетовъ толпу янычаръ, и паша, понявъ послѣ этого нелѣпость своего распоряженія, принимаетъ ихъ очень почтительно, даже радушно. Дорога изъ Атталіи черезъ Бурдуръ въ Колоссы ужасна, но виды восхитительны.

«Я доселѣ не видывалъ ничего привлекательнѣе, ничего свѣжѣе, ничего живописнѣе роскошной долины, которая находится между исполинскими горами Баба-дагомъ и Хонасъ. Къ ней можно справедливо отнести изреченіе одного древняго писателя, что боги нарочно для нея раздвинули огромныя горы (Aelian. III, 1). Здѣсь сила растительной природы является во всемъ ея могуществѣ. Рѣдко можно видѣть столь густыя рощи, столь огромныя развѣсистыя деревья, такую яркость зелени на лугахъ, такую кристальную прозрачность въ быстро текущихъ ручьяхъ, такое равнообразіе въ отливаніи свѣта, столько таинственныхъ уединеній для отдыха устахъ путникамъ; самыя скалы всоплинскихъ горъ тамъ, гдѣ онѣ соединяются съ долиною, теряютъ свою мрачность. одѣваясь густою тканью яркозеленаго плюща разныхъ родовъ, и напаять подъ своде своихъ пещеръ» (V, 51).

Лаодиція, Іераполисъ представляютъ грустное зрѣлище разрушенія и нищеты, смѣнившей древнюю роскошь и великолѣпіе; Филадельфія радуется христіанина благочестіемъ и гостепрѣимствомъ своихъ жителей, которые мужественно защищали всегда свою пламенную вѣру во Христа; но отъ Сардиса осталось только имя. Вотъ отрывки изъ воспоминаній и впечатлѣній путника:

«Съ какимъ сердоболеніемъ Сынъ Человѣческій, превѣчная истина, призываетъ Лаодивійскихъ Христіанъ въ ловашию! Лаодиційцы пребыли ни хладны, ни горячи. Но познавше свѣтъ, должны были принять осужденіе, ибо яельвѣ служить въ одно время Богу и идолу богатства мамонѣ. Роскошь Лаодиційцевъ достигла высшей степени; торговые обороты ихъ города сдѣлали его однимъ изъ главнѣйшихъ въ Азіи; руно его стада затмило знаменитое руно Милетское. Тацитъ говоритъ, что когда Лаодикія была разрушена землетрясеніемъ, жители отказались отъ помощи Рима, и сами возстановили съ превзвмъ велиководѣшемъ свой городъ. То же самое было, когда ее разрушилъ Митридатъ-Эвпаторъ; но злато Лаодиційцевъ не было злато, очищенное огнемъ. Всѣ сокровища не могли ужъ возстановить пышный городъ отъ повторенныхъ ударовъ грома небеснаго; земля поглотила въ послѣдній разъ почти весь городъ, и онъ ужъ не восталъ болѣе: звѣри и гады гнѣдятся теперь въ его развалинахъ, исчезающихъ съ лица земли (V, 69—70).

«Почти при выѣздѣ изъ Лаодикіи, проѣхавъ черезъ Ликусъ по мосту, и даже еъ ходмовъ, прилежащихъ къ Лаодикіи, открываются вамъ скалы Іераполиса; онѣ удвѣляютъ взоръ своею бѣлизною и своимъ страннымъ образованіемъ. Чѣмъ болѣе вы къ нимъ приближаетесь, тѣмъ непонятнѣе вамъ кажутся съ перваго взгляда эти скалы, образованныя изъ бѣлоснѣжныхъ глыбъ и полосъ, рѣзко отражающія луча солнца; онѣ представляютъ видъ оваленныхъ водопадовъ, и дѣйствительно должно такъ ихъ называть. На обширной платформѣ, которая образована уступомъ скалъ, процвѣталъ древній Іераполисъ или «священныи городъ», такъ названный по тѣмъ феноменамъ, которые въ этомъ мѣстѣ представляетъ природа, и по большому количеству храмовъ, воздвигнутыхъ въ немъ разнымъ божествамъ. Эти храмы въ страшномъ разрушеніи устилаютъ всю мѣстность города, и ихъ великолѣпныя остатки разсыпаны даже по скатамъ скалъ и въ глубинѣ овраговъ, разметанныя землетрясеніемъ. Одинъ путешественникъ, пораженный величіемъ этой картины, сказалъ, что этотъ городъ можно причесть нетокмо къ главнымъ городамъ Востока, но даже в міра (V, 81—82).

«Неподалеку отъ Іераполиса, оставя за собой седеніе Сарай-Кіей, въ обширной горной долинѣ, мы проѣхали по мосту черезъ рѣку Меандръ, столь прославленную поэтами, столь извѣстную своимъ безконечными извилинами я какъ любимое пристанище лебедей. Влѣво рисовались хребты горъ, продолженіе Кадмуса; за ними, въ оконечной перспективѣ, высались къ облакамъ, какъ исполины, шпиды горъ, въ разнообразныхъ и самыхъ живописныхъ очеркахъ. Извилины Меандра заставляли постовъ сказать, что, глядя на него, нельзя угадать, куда онъ стремится: къ устью ли въ море или обратно къ своему истоку. Плодоносіе долинъ Меандра радуется взоръ, особенно послѣ мертвенности свадъ Іераподиса (V, 99).

«Привзаніе Сына Человѣческаго, чрезъ Св. Іоанна, глубоко врѣзано доселѣ въ сердцахъ малаго стада христіанъ этого города... «Вѣмъ твоя дѣла; яко малу имаше

«саяу и соблюлъ вся Мое слово я не отвергся еси вмени моего... И Азъ ты соблюду «оть годины асвушения. Побѣждающаго, сотворю столпа въ церкви Бога моего». Это воззваніе одушевляетъ ежедневную молитву христіанъ Филадельійскихъ. Памятоваше снхъ глаголовъ было всегда щитомъ города противу варварскихъ полчищъ Кирміанъ подъ предводительствомъ Аялтвра в потомъ противу страшнѣйшихъ враговъ, Оттомановъ, предводимыхъ Орланомъ, сыномъ Оттомановымъ. Вся Малая Азія была покорена его мечу, одна Филадельфія, какъ бы сохраняя въ себѣ залогъ всѣхъ семи Церквей Апокалипсиса, стояла непобѣдимо подъ знаменемъ Креста. Цирвъ и три театра Лаодини сдѣлались логовщемъ шакаловъ в волвовъ, Сардисъ сталъ ничтожною деревушкою, въ Пергамѣ и Фіатирѣ видны только одгѣ мечети вмѣсто памятниковъ. Одна Филадельфія спаслась чрезъ свою твердость... Побѣдоносный метъ Баазета также долгое время притупдался о стѣны Филадельфіи. Доблестный защитникъ Филадельфіи и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ гражданъ погибли отъ Оттомановъ, но городъ не былъ разоренъ. И даже, когда гроза своего вѣка, Тамерланъ, предавалъ огню и пламени весь Востокъ, смерти ангелъ разрушенія не коснулся Филадельфіи, защищенной своимъ Ангеломъ хранителемъ (V, 102—106).

«По мѣрѣ приближеніи къ Сардасу, вамъ открываются два высокіе хребта живописныхъ горъ; первый рядъ этихъ горъ состоитъ изъ скалъ съ разодранными шпиками, а вершины втораго хребта правильно закруглены и увѣчаны снѣгомъ. Разгромленные и покрыты прахомъ развалины Сардиса прислонены къ тремъ совокупленнымъ вмѣстѣ горамъ Тмолуса. Стѣны города, отъ обрывистыхъ высотъ, на одной изъ которыхъ былъ Акрополисъ или цитатель, сходили въ три ряда въ обширную равнину, омываемую золотоснымъ Пактоломъ. На горизонтѣ этихъ долинъ, къ сѣверу, встаютъ огромные надгробные курганы царей Сардисскихъ—эти пирамиды варварскихъ народовъ. Одинъ изъ этихъ кургановъ высится, какъ исполинъ, надъ прочими. Таковъ первый видъ мѣста, гдѣ былъ Сардисъ, второй городъ по Римѣ своимъ великохвѣстемъ, и только уступавшій Вавилону. Я глядѣлъ на картину его опустошенія, сидя въ мраморныхъ ступеняхъ амфитеатра, находящагося на полвысохѣ средней горы, куда я съ трудомъ добрался по грудамъ поверженныхъ зданій. То былъ храмъ Кивелы, матери боговъ, древнѣйшій памятникъ іоническаго зодчества. Среди грудъ стѣнъ, карнизовъ, архитравовъ, капителей частаго бѣлаго мрамора, встаютъ только двѣ величественныя и громадныя колонны; не только капители, обрабаецъ язашнаго рѣзца, но весь гармоническій рисунокъ этихъ колоннъ приковываетъ въ себѣ вниманіе набредшаго на нихъ путника... Я спустился въ задумчивости отъ храма Кивелы къ берегамъ Пактола, искать отдохновенія и пристанища отъ зноя,—и столица Лидійская представила мнѣ только нѣсколько разодранныхъ шатровъ кочующихъ Турвомавовъ; они предложили мнѣ козье молоко и пригоршню открытыхъ вми древнихъ монетъ, которыя всѣ были временъ Римскихъ Кесарей; но тутъ не было ни одной Греческой, въ одна изъ нихъ не говорила ужъ о могущественномъ Крезѣ, но только о побѣдителяхъ его побѣдителей, также давно сметенныхъ съ лица землѣ.

Quid tibi visa, Craesi regia Sardis?

Какъ нравятся тебѣ столица Креза, Сарды?

Horat. Epist. 1, XI (V, 118—122).

Можетъ быть, большая часть нашихъ читателей назоветъ эти выписки совершенно излишними, потому-что «Путешествіе къ Семи Церквамъ» точно такъ же, какъ я Путешествіи «по Святой Землѣ» и «по Египту и Нубіи» давно ужъ извѣстно всей публикѣ, давно ужъ оцѣнено, подобно этимъ «Путешествіямъ», которыя были приняты съ такниъ живѣйшимъ сочувствіемъ. Поэтому не увеличиваемъ числа нашихъ заимствованій, не слѣдуемъ за авторомъ въ Смирну, Пергамъ, Эфесъ и Патнось, столь богатыя классическими и христіанскими воспоминаніи, доставляющими русскому путешественнику столько прекрасныхъ страницъ, и спѣшимъ перейти къ изложенію его «Исслѣдованіи объ Атлантидѣ», которое первоначально составляло одну изъ главъ его «Путешествія къ Семи Церквамъ»; но потомъ,

при увеличенія объема новыми изысканіями, еоставило особенный обширный трактатъ, напечатанный въ видѣ приложения къ этому путешествію.

Вотъ по переводу автора, въ извлеченіи, знаменитый разеказъ Платона объ этой славной въ доисторическое время землѣ, вопросъ о положеніи которой такъ занимаетъ всѣхъ изслѣдователей древнѣйшей исторіи и географіи. Когда Солонъ былъ въ Санаѣ, жрецы египетскіе удивили его своими разсказами о событіяхъ глубокой древности, неизвѣстныхъ грекамъ; Солонъ сказалъ своимъ ученикамъ, что древнѣйшія греческія преданія не простираются далѣе временъ потопа, бывшаго при Девкаліонѣ и Пиррѣ:

«Тогда оденъ изъ старѣйшихъ жрецовъ сказалъ ему: «О Солонъ, Солонъ, въ Греки—дѣти; у Грековъ нѣтъ ни одного старца! Вы всѣ новички относительно древности, и вамъ ничего неизвѣстно, что было древле, какъ здѣсь, такъ и у насъ. Вы ничего не знаете о прекрасномъ поколѣніи людей, вавшихъ родоначальниковъ. Наши скрижали свидѣтельствуяютъ, какъ нашъ народъ устоялъ противу усилій мощнаго народа, напавшаго несправедливо на всю Европу и Азію, и пришедшаго съ Атлантическаго Моря, которое тогда могло быть проходимо въ бродъ. Оно имѣло островъ противу устья, которое вы на своемъ языкѣ называете «Иракловы колонны». Самъ же островъ былъ пространнѣе, чѣмъ Азія и Ливія вмѣстѣ. Въ названномъ нами островѣ, Атлантидѣ, были цари, имѣвшие власть могущественную, которая распространилась и на другіе острова в части материка. Сверхъ того, они владычествовали внутри Ливіи до Египта, а въ Европѣ до Тирреніи. Ихъ силы покусились покорить разомъ вашу и нашу землю. Тогда Аевяне приняли предводительство надъ Эллинами, и восторжествовали надъ своими противниками, оградивъ такимъ образомъ многихъ отъ порабощенія, и намъ, живущимъ внутри предѣловъ Иракловыхъ, даровали свободу. Но случившійся послѣ того землетрясеніи и наводненія поглотили въ одивъ девъ и въ одну ужасную ночь все наше воинство и вмѣстѣ съ тѣмъ островъ Атлантида погрузился въ море и исчезъ. Отъ этого море въ томъ мѣстѣ сдѣлалось неудобнымъ для мореплаванія отъ ила и отмелей, которыя оставилъ по себѣ погрузившійся островъ» (Платонъ, въ «Тимей»).

Въ другомъ разговорѣ, «Критій», возвращаясь къ тому же разсказу, Платонъ заставляетъ Солона прибавлять, между прочимъ, что Аттика въ древности была несравненно больше, нежели въ ихъ время, потому-что большая половина ея погружена въ море въ одно время съ Атлантидою, вслѣдствіе того же санаго переворота, и что Атлантида простиралась въ длину на 3000 стадій (500 верстъ), а въ ширину на 2000 стадій (340 верстъ). Обыкновенно полагаали, что Платонъ помѣщаетъ Атлантиду на нашемъ Атлантическомъ Океанѣ; одни ученые думали, что это былъ обширный материкъ у западнаго берега Африки, слѣдами котораго остались Канарскіе Острова; другіе даже хотѣли видѣть въ немъ Америку и подъ погибелью Атлантиды понимать прекращеніе плаваній въ эту отдаленную страну. Основаніемъ такому предположенію служили имена «Геркулесовы Столбы» и «Атлантическое Море», которыя, безъ точнѣйшаго наслѣдованія, повинились въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣли они у позднѣйшихъ класическихкихъ писателей и сохранили донныѣ. Но изъ такого предположенія рождаются необъяснимыя несообразности. Тепоръ извѣстно, что въ глубокой древности ни греки, ни египтяне не могли имѣть преданій о моряхъ и земляхъ за Гибралтарскимъ Пролливомъ; что сами кароагеняне начали плавать далѣе Гибралтара ужъ очень поздно: какъ же Атлантида, преданія о которой древнѣе девкалішнова потопа, могла лежать за Гибралтаромъ? И если она лежала на нынѣшнемъ Атлантическомъ Океанѣ, то какъ же можно было придумать, что съ этого острова переходили въ бродъ въ Египетъ и въ Атику? Это можно еказать только о близкомъ островѣ, лежащемъ гдѣ

нибудь на восточной части Средиземнаго Моря; и какъ же погруженіе Атлантиды и части Аттики считать соприкасающимися явленіями, если эти страны раздѣлялъ весь материкъ Европы и Африки, все Средиземное Море? Читатель, самый твердый въ прежнемъ мнѣніи, относящемъ Атлантиду за Гибралтаръ, признаеть эти трудности необъяснимыми при своей гипотезѣ, и согласится, что они прекрасно разрѣшаются изслѣдованіемъ глубокомысленнаго автора. Прежде всего вникнемъ въ значеніе географическихъ именъ, употребляемыхъ Солономъ и египетскими жрецами.

Надобно знать, что Гигантъ-Атласъ, отъ котораго названо Атлантическое Море, ужъ позже перенесенъ въ Западную Ливію; гораздо древнѣе преданіе, что Атласъ жилъ въ Египтѣ и училъ египтянъ астрономію; Павзаній говоритъ также отъ Атласъ вѣотійевою, въ Греціи; Эеюпія въ древнѣйшее время называлась Атлантия. Атласъ былъ сынъ Азіи (Азією въ древности называлась исключительно часть Малой Азіи). Итакъ, Атлантическій Морею должно было называться въ глубочайшей древности Средиземное, и только впоследствии, при расширеніи географическихъ познаній, перенесено было это имя на тотъ океанъ, который называется нынѣ Атлантическимъ.

Точно также и Столбы Геркулесовы стали означать гибралтарскія скалы ужъ впоследствии времени; прежде «Столбами Геркулесовыми» называлось главное западное устье Нила, гдѣ былъ геркулесовъ городъ и храмъ (Гераклеумъ). Еще вѣроятнѣе, что подъ «Столбами Геркулесовыми» надобно понимать скалы Босфора, которыя по первоначальному преданію были предѣломъ странствій Геркулеса; во всякомъ случаѣ, первоначально относилось это имя къ мѣстности на восточной части Средиземнаго Моря, и только впоследствии, съ распространеніемъ географическихъ познаній, было перенесено на Гибралтаръ, подобно тому, какъ на западъ перенесены были гигантъ и гора Атласъ и Атлантическое Море. Примѣровъ подобнаго перенесенія множество. Укажемъ совершенно подобныя отношенія древнѣйшей и послѣдующей Гесперіи, Макарійскихъ Острововъ, входа въ плутоново царство и проч.: всѣ эти имена постепенно отдалялись на западъ изъ восточной части Средиземнаго Моря.

Прибавимъ, что, по древнему преданію, Европа и Африка считались однимъ материкомъ. Вотъ, наконецъ, преданія, прямо говорящія о погруженіи въ море материка, лежавшаго между Европою, Азією и Африкою въ восточной части Средиземнаго Моря.

Плиній рассказываетъ, что Кипръ соединялся въ древности съ материкомъ Сирія. Солонъ говоритъ, что отъ Киликіи до Египта была земля. Масуди (арабскій географъ) рассказываетъ преданіе, что изъ Египта на островъ Кипръ можно было переходить въ бродъ, а потомъ море затопило сѣверную часть Египта (гдѣ нынѣ озеро Мензале). Другой арабскій писатель, Якутъ, сообщаетъ преданіе, что море потопило часть Греціи, Сирія и многія земли около нихъ; возвышенности затопленныхъ странъ кажутся нынѣ островами восточной части Средиземнаго Моря. У Діодора Сицилійскаго также говорится, что море затопило большое пространство материка Азіи и низменныя долины Самооракии. Наконецъ арабскій писатель Эль-Бируни сообщаетъ, что между Александрією и Константинополемъ была земля. Конечно, эти свидѣтельства и доказательства развиваются авторомъ несравненно убѣдительнѣе, нежели въ нашемъ краткомъ перечисленіи; сверхъ того, мы по необходимости привели можетъ быть только десятую часть доказательствъ, представ-

ляемых въ его разысканіи: тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что даже поелѣ этого краткаго и неполнаго перечня веѣ читателя согласятся, что авторъ имѣетъ на своей сторонѣ всю вѣроятность, когда говорить:

«Атлантида, по нашему предположенію, занимала все пространство Средважняго Моря отъ острова Кипра до Сициліи, воалѣ которой на сѣверъ было Тирренское Море и Тирренія. Это пространство совершенно соотвѣтствуетъ тому, которое Платонъ опредѣляетъ для Атлантиды, именно, 3000 стадій въ длину и 2000 въ ширину».

Нельзя но согласиться, что это «Издѣдованіе» удовлетворительнѣйшимъ образомъ разрѣшаетъ столь затруднявшій всѣхъ объяснителей вопросъ о положеніи «Платоновой Атлантиды» и тѣмъ оказываетъ важную услугу древнѣйшей географіи.

Заключаемъ нашъ обзоръ, слишкомъ краткій въ сравненіи съ тѣмъ, какого требовало бы ученое достоинство и живая занимательность «Путешествій» автора, давшаго русской публикѣ замѣчательнѣйшія описанія Святой Земли и Нижняго Египта, первыя и столь же замѣчательныя описанія Верхняго Египта, Нубіи и Малой Азіи. Несмотря на свою недостаточность, обзорѣше наше до нѣкоторой степени показало, однакожь, какое мѣсто не только въ русской, но и вообще въ европейской литературѣ занимаютъ эти труды, на сколько они двинули науку впередъ и съ какою вѣрностью представили рѣшеніе многихъ важнѣйшихъ и затруднительнѣйшихъ вопросовъ древней исторіи, географіи и археологіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Осада и взятіе Византіи турками. Историческое изслѣдованіе *М. Стасюлевича*. Санктпетербургъ. 1854. Въ 8 д. л. 112 стр.

Имя г. Стасюлевича, мало знакомое публикѣ, довольно хорошо извѣстно специалистамъ, потому что онъ успѣлъ издать нѣсколько изслѣдованій и напечатать въ одномъ изъ нашихъ журналовъ нѣсколько рецензій, которыя всѣ отличались одинаковыми качествами. Намъ очень пріятно было увидѣть, что въ новомъ его изслѣдованіи эти качества достигли еще большаго развитія, такъ что сдѣлались достойными вниманія не только людей, посвятившихъ себя историческимъ трудамъ, но и всѣхъ вообще читателей.

Первая и интереснѣйшая изъ особенностей, поражающихъ въ новомъ произведеніи г. Стасюлевича — оригинальность воззрѣній. Поводомъ къ составленію изслѣдованія объ осадѣ и взятіи Византіи турками была для него мысль, будто-бы «Византія доселѣ остается загадкою во всемірной исторіи». До сихъ поръ никто этого не предполагалъ. Всѣ знали, что объ исторіи Византійской Имперіи выходятъ менѣе сочиненій, нежели, напримѣръ, объ исторіи древней Греціи или древняго Рима; но причиною этого было то, что исторія Византіи, представляющая гораздо менѣе затруднительныхъ вопросовъ, нежели исторія какого бы то ни было другаго государства, гораздо менѣе нуждается въ глубокомысленныхъ изслѣдованіяхъ. Другою причиною надобно считать то, что во всемірной исторіи Византія не имѣетъ той важности, какъ Римъ или Аеины. Наконецъ, есть и третья причина, прямо противоположная тому, что предполагаетъ г. Стасюлевичъ: очень немного найдется отдѣловъ всемірной исторіи, по которымъ существовали бы такія классическія сочиненія, какъ для исторіи Византійской Имперіи. Однимъ словомъ, византійская исторія гораздо менѣе затруднительна и гораздо лучше объяснена, нежели другіе отдѣлы древней или средневѣковой исторіи: удивительно ли послѣ того, что нынче ученые изслѣдователи охотнѣе обращаютъ свои силы на объясненіе египетской, персидской, аеинской или римской исторіи нежели византійской? Но и Византія не забыта: ежегодно выходятъ прекрасные труды по этой части. Каждый, слѣдящій за историческою литературою, знаетъ ихъ.

Г. Стасюлевичъ, однакожь, хочетъ считать Византію «загадкою въ исторіи», находитъ полезнымъ выводить, относительно самыхъ понятныхъ событій византійской исторіи, «совершенно новые результаты», увѣряя, что, до появленія его сочиненія, все было понимаемо «превратно». И такъ г. Стасюлевичъ хочетъ быть

Шамполиономъ, Нибуромъ византійской исторіи? Роль очень завидная, но для выполненія ея нужно много условій, изъ которыхъ первое — основательное изученіе предмета, безъ чего нельзя избѣжать промаховъ. Мы считаемъ нужнымъ взглянуть на эту сторону труда его прежде, нежели займемся разсмотрѣніемъ «совершенно новыхъ результатовъ», до которыхъ дошелъ изслѣдователь византійской исторіи. Взглянемъ на пособія, при которыхъ воздвигается новое зданіе: это уже дастъ намъ возможность предугадывать его прочность.

Положимъ, что всё нынѣшнія понятія о Византіи «превратны»; но самъ г. Стасюлевичъ, вѣроятно, согласится, что въ опредѣленіи византійскихъ мѣръ и вѣсовъ никакой «превратности» быть не можетъ: какъ ни судите о какой-нибудь странѣ, все-таки надобно будетъ сказать, что русская верста равна 500 саженимъ, французскій киллометръ немного менѣе русской версты, и т. д.; тутъ нѣтъ мѣста «превратностямъ».

Какъ велика была окружность стѣнъ Константинополя во время осады? Самъ г. Стасюлевичъ приводитъ въ примѣчаніи цифры, сообщаемыя византійскими историками — 111 стадій или 18 миль. Стадія нынѣ около 80 сажень; на нашу версту приходилось 6 стадій; илія византійская равнялась нашей верстѣ; и такъ 18 миль — то же, что 18 верстъ; 111 стадій равны 18 верстамъ безъ 80 сажень. Но г. Стасюлевичъ на той же самой страницѣ (73-й), гдѣ выставлено это примѣчаніе, говоритъ, что окружность стѣнъ Византіи равнялась 50—60 верстамъ, ссылаясь въ подтвержденіе на цифры примѣчанія, говорящія объ 18 верстахъ. Эту ошибку можно объяснить такъ: вѣроятно, г. Стасюлевичу попалось во французскомъ переводѣ какое нибудь англійское сочиненіе, говорящее, что окружность Византіи была 12—15 миль, то есть англійскихъ; онъ справился о величинѣ мили и ему попалась французская миля, равняющаяся 4 верстамъ. Такимъ образомъ англійскія мили, превратившись во французскія, увеличили для г. Стасюлевича объемъ Византіи въ три раза. Положимъ, что можно не знать величину византійской, не помнить величину англійской мили; но какъ же не знать величину греческой стадіи? Она объясняется въ учебникѣ г. Смарагова... Въ вознагражденіе за увеличеніе объема, уменьшилось число жителей Византіи: всѣ историки (въ томъ числѣ и Карамзинъ, говоря о взятіи Византіи въ V томѣ своей «Исторіи») согласны, что въ Константинополѣ, при его паденіи, было по крайней мѣрѣ 100 тысячъ жителей, а по всей вѣроятности, гораздо болѣе. Г. Стасюлевичъ утверждаетъ, что «народонаселеніе Византіи могло превышать ве болѣе (то есть не могло превышать?) какъ 20 тысячъ» (стр. 24). Этого числа не могъ онъ найти нигдѣ и вывелъ его собственными соображеніями. Онъ могъ бы вспомнить при этомъ, что странно давать городу, имѣющему объемъ 50—60 верстъ, по его мнѣнію, то есть объемъ Лондона, народонаселеніе уѣзднаго города. Могъ бы также онъ вспомнить, что (на стр. 66) самъ говоритъ: «нынѣшній Константинополь, по своимъ предѣламъ, мало отличается отъ прежней Византіи»; а по свидѣтельству «Мѣсяцеслова» на 1855 годъ, въ Константинополѣ считается болѣе 800.000 жителей. Не вспомянувъ о томъ, что по взятіи Константинополя турки захватили себѣ въ рабство болѣе 60.000 его жителей (а большая часть жителей осталась свободными; десятки тысячъ были убиты, тысячи должны были умереть во время осады) не вспомянувъ объ этомъ, онъ не противорѣчитъ себѣ, потому что этого факта (противорѣчающаго понятію о кротости Мухаммеда II-го) нѣтъ въ его книгѣ.

Какъ велико было число защитниковъ осажденнаго города? «Византия была защищена 5.000 гарнизона» утверждаетъ постоянно г. Стасюлевичъ; но въ одножъ мѣстѣ, но обмолвѣ, онъ говоритъ: «гарнизонъ осажденнаго города состоялъ неже нежели изъ 7.000 человекъ», (стр. 73); между тѣмъ число это положительно извѣстно, и послѣднее показаніе близко къ истинѣ. Возвратимся, однако, къ мѣрамъ и вѣсамъ. У Мухаммеда II была огромная пушка, изъ которой по свидѣтельству греческихъ историковъ, стрѣляли каменными ядрами въ 1.100 фунтовъ (27^{1/2} пудовъ) вѣсу и выстрѣлы который были слышны за 100 стадій (17 верстъ). Г. Стасюлевичъ полагаетъ, что эти цифры равны 36 пудамъ и 50 верстамъ (стр. 14). Какъ 100 стадій обратились въ 50 верстъ, легко понять: опять во французскомъ переводѣ англійскаго сочиненія г. Стасюлевичъ нашелъ 12 миль (англійскихъ) и, превративъ ихъ во французскія, получилъ 50 верстъ. Еще два примѣра: Мухаммедъ II построилъ мостъ или плотину въ 50 локтей ширины, во 100 локтей длины. Г. Стасюлевичъ превращаетъ локти въ футы (стр. 83). При восшествіи на престолъ, Мухаммедъ II клялся платить Византии 300.000 аспръ дани: тогда аспра равнялась 5 коп. сер. и, слѣдовательно, дань равнялась 15.000 р. сер., во г. Стасюлевичъ думаетъ, что величина дани равнялась 3.325 р. сер. (стр. 56, примѣчаніе), смѣшивая аспру XV вѣка съ аспрою XVII или XVIII вѣка. Наконецъ, послѣдній приѣзъ: были-ль у турокъ фрегаты въ XV вѣкѣ? Каждому извѣстно, что о судахъ, подобныхъ величиною не только нынѣшнему фрегату, но и корвету, не имѣли тогда понятія; тогда были только галеры — очень маленькія суда, сравнительно съ нынѣшними. Но г. Стасюлевичъ находитъ у Мухаммеда II цѣлыми десятками не только фрегаты, но и линейные корабли (быть можетъ, даже винтовые пароходы, во 120 пушекъ?). Вотъ его слова: «турецкая эскадра, состоявшая изъ 30 линейныхъ кораблей... Другая эскадра состояла изъ 18 линейныхъ кораблей и 48 фрегатевъ» (стр. 69). И г. Стасюлевичу не кажется странно, что этотъ флотъ, имѣвшій 48 линейныхъ кораблей, 48 фрегатевъ и «болѣе 300 другихъ судовъ», былъ побѣжденъ четырьмя или пятью генуэзскими галерами? Дѣло въ томъ, что мѣстные линейные корабли и фрегаты были въ сущности небольшія галеры, а остальные суда—просто лодки. Вѣдь самъ г. Стасюлевичъ рассказываетъ, что эти линейные корабли и фрегаты были перетащены черезъ перешеекъ, шириною въ 8 или 10 верстъ: изъ этого могъ бы онъ судить о ихъ величинѣ, если ему не случилось вспомнить значенія греческихъ словъ «трира» и «дйра».

Можно послѣ этого предположить, до какой степени точно изложеніе фактовъ у г. Стасюлевича, если онъ такъ аккуратенъ даже въ цифрахъ, не требующихъ никакого соображенія. Но мы думаемъ, что уже довольно привели примѣровъ степени знакомства автора съ византийскими древностями, и что объ основательности капитальныхъ преобразованій, которыя онъ вводитъ въ византийскую исторію, можно судить по удачѣ, съ какою исправляетъ онъ «превратныя» понятія даже о столь, повидному, непреложныхъ вещахъ, какъ мѣры, вѣсы и вообще математическія данныя. Если геометрія и корабельная архитектура подвергаются преобразованіямъ, то какая судьба ждетъ хронологію и вообще историческіе факты, столь слабые сравнительно съ математическими фактами?

Какое понятіе имѣете вы, читатель, о характерѣ Мухаммеда II? Не правда ли, вы всегда думали, что онъ былъ мусульманинъ? Вы ошибаетесь; оставьте это «пре-

вратное понятіе». Г. Стасюлевичъ отчасти намекаетъ, что Мухаммедъ II былъ втайнѣ хрстіанинъ; вотъ его подлинныя слова: «Магометъ II былъ сынъ хрстіанской рабыни; его мачиха, сербская принцесса (какъ? у турокъ бываютъ даже мачихи?), была также ревностною хрстіанкою. Эти два обстоятельства не остались безъ вліянія на его религіозныя убѣжденія» и т. д. (стр. 53); поелѣ этого вы не удивитесь, что, по ииѣшю г. Стасюлевича, Мухаммедъ II былъ кротокъ, миролюбивъ, правдолюбивъ, врагъ всякихъ завоеваній и всякой хитрости. Странно только, что на каждой страницѣ у г. Стасюлевича вырываются фразы, противорѣчащія такому описанію. О томъ, что всѣ факты, излагаемые въ его книгѣ, противорѣчатъ его понятію о Мухаммедѣ II, мы не говоримъ; что намъ за дѣло до фактовъ? Мы ищемъ только художественной послѣдовательности въ поэтической сторонѣ «Осады и занятія Византіи турками». Замѣтимъ, однако, что, довѣряя каждому слову византійскаго историка Франца, г. Стасюлевичъ могъ бы пожалѣть объ этомъ бѣдномъ отцѣ, сынъ котораго былъ зарѣзанъ Мухаммедомъ II по причинамъ, вовсе не дѣлающимъ чести «прекрасному воспитанію» Мухаммеда II: вѣдь Франца рассказываетъ этотъ случай довольно ясно. Вспомнивъ этотъ поступокъ Мухаммеда II, г. Стасюлевичъ повѣрилъ бы и разсказу о причинѣ гнѣва этого добраго завоевателя на Луку Нотару, который не согласился пожертвовать своимъ сыномъ. Мы не хотимъ выставять Мухаммеда извергомъ; но онъ былъ истинный турокъ XV вѣва: вспыльчивъ, славолубивъ, коваренъ и не щадилъ никого и ничего для удовлетворенія своимъ страстямъ, изъ которыхъ первая была страсть къ завоеваніямъ.

Но г. Стасюлевичъ дѣлаетъ неожиданное открытіе: Мухаммедъ II былъ миролюбивъ; онъ не любилъ завоеваній; онъ, со слезами на глазахъ, съ горестію въ душѣ, рѣшился на завоеваніе Константинополя, будучи вынужденъ прискорбною необходимостію къ такому противному его правиламъ дѣлу, какъ война. Во взятіи Византіи виноватъ не онъ. Кто же?—латинцы; они довели вѣжнаго Мухаммеда II до печальной крайности обнажить мечъ для собственнаго спасенія. Онъ только защищался, а не нападалъ... И вы думали до сихъ поръ что Мухаммедъ II, осаждая Константинополь, хогѣлъ разрушить послѣдній остатокъ завоеваннаго греческаго царства, что онъ отнялъ Византію у грековъ? Это самое «превратное» понятіе! Мухаммедъ, осаждая Византію, воювалъ съ «латинцами» (которые, впрочемъ, были его союзниками и помогали ему въ это время), а не съ греками; онъ отнималъ Византію не у Константина Палеолога, а у «латинцевъ». Вообще, не Мухаммедъ II, а «латинцы» хотѣли завоевать Византію. Въ этомъ состоятъ «совершенно новые результаты», излагаемые г. Стасюлевичемъ. Вотъ небольшой отрывокъ которому подобныя найдутся на каждой страницѣ его книжки:

«При ясномъ взглядѣ Магомета II на вещи нельзя было не понять, что дѣло вѣдетъ вовсе не о независимости Византіи, что вопросъ состоитъ не въ томъ, быть влв не быть Византіи независимою? Его опытность и примѣръ прошедшаго убѣдилъ, что вовнамъ латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византіи, пока не овладѣютъ ею сами. Магометъ II сознавалъ, что латинцы ямутъ господства на Востокѣ и рѣшился предупредить ихъ» (стр. 61).

Вообще дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: турки жили въ мирѣ съ греками; но явились въ Византію латинцы—и Мухаммедъ II отнялъ у нихъ Константинополь. Союзъ Константина Палеолога съ латинцами былъ причиною разрыва искренней дружбы, связывавшей Византійскую Имперію съ Мухаммедомъ II. Г. Ста-

сюлевиачъ елѣдуетъ въ порядкѣ изложенія своимъ соображеніямъ, не связываясь хронологическою послѣдовательностью событій. Мы возстаювимъ хронологию, и послѣ этого намъ не нужно будетъ разбирать, справедливъ или нѣтъ, «совершенно новый результатъ», до котораго дошелъ г. Стасюлевиачъ.

1450 года, 12 марта вступаетъ на византійскій престолъ Константинъ Палеологъ, «обязанный (по выраженію г. Стасюлевиача) своимъ престоломъ ненависти къ латанцамъ», ненавидѣвшій «латинцевъ» и искренно желавшій мира съ турками. Греки такъ ненавидятъ «латинцевъ», что на каждой страницѣ у г. Стасюлевиача говорятъ: «мы лучше хотимъ жить подъ турецкииъ игомъ, нежели въ союзѣ съ латинцами». Пока живъ султанъ Муратъ, по справедливому отзыву г. Стасюлевиача, «честный и справедливый» — миръ Византіи съ турками прочеяъ. Ненавидимыхъ латинцевъ нѣтъ и слѣда въ Византіи.

1451 года, 9 февраля вступаетъ на престолъ Мухаммедъ II — по словамъ Галиль-Паши, давашаго искренніе совѣты греческимъ посламъ, «завоеватель, презирающій всѣ договоры, пренебрегающій всѣми затрудненіями» (слова, которыя г. Стасюлевиачъ съ большою выгодною для своего «результата» выпускаетъ изъ рѣчи Галиль-Паши). Сначала онъ занятъ возмущеніемъ въ Малой Азіи, но тотчасъ, по усмиреніи бунта, прекращаетъ платежъ условной дани византійцаиъ и прогоняетъ византійскихъ сборщиковъ податей изъ стримонской области, объявляя, что намѣренъ обижать Византію.

1452 года, въ мартѣ онъ строитъ на европейской сторонѣ Босфора, близъ самаго Константинополя, на участкѣ земли, принадлежащемъ предмѣстью Галатѣ, сильную крѣпость, не обращая вниманія на мольбы Константина Палеолога, который напрасно посылаетъ ему подарки. Византіи въ отчаяніи. Въ августѣ крѣпость готова.

1452, сентябрь. Мухаммедъ готовится къ осадѣ Византіи.

1452, ноябрь. «Латинцы» являются въ Византіи (самъ г. Стасюлевиачъ говоритъ, что въ ноябрѣ, не ранѣе; черезъ восемь или девять мѣсяцевъ послѣ построенія крѣпости, которая должна была служить Мухаммеду точкою опоры, при осадѣ; см. стр. 35), 12 декабря заключенъ союзъ съ «латинцами». Греки негодуютъ на этотъ союзъ; самъ Константинъ рѣшается на него съ величайшимъ прискорбіемъ, только потому, что необходимо имѣть хотя откуда нибудь помощь противъ страшнаго врага (все это говоритъ и г. Стасюлевиачъ на стр. 35 и слѣд.).

1453 годъ. Приготовленія къ осадѣ кончены. Войско Мухаммеда подѣ стѣнаи Византіи.

Кажется, ходъ дѣла ясень. Тотчасъ по укрощеніи мятежанковъ, Мухаммедъ II начинаеть непріязненныя дѣйствія противъ Византіи; черезъ полгода слишкомъ послѣ начала непріязненныхъ дѣйствій, Византіи заключаегъ союзъ съ «латинцами». Но г. Стасюлевиачъ сначала рассказываетъ о союзѣ съ «латинцами» (стр. 34—44), а потомъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Мухаммеда II (стр. 57 и слѣд.); тавимъ образомъ, по его изложенію, дѣйствительно кажется, будто бы сначала былъ заключенъ союзъ съ латинцами, потомъ начались непріязненныя дѣйствія турокъ. Если подобнымъ образомъ рассказать сначала взятіе русскими Парижа и потомъ бородинскую битву, то, конечно, можно вывести результатъ, что наполеоновъ походъ на Москву былъ слѣдствіемъ взятія русскими Парижа.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, что, не обращая вниманіе на хроно-

логическую послѣдовательность событій и правдоподобіе «совершенно новыхъ результатовъ», до которыхъ доводитъ произволь, г. Стасюлевичъ также мало обращаетъ вниманіи и на критическую оцѣнку тѣхъ извѣстій, которыя кажутся ему ведущими къ желаемому результату. Онъ произвольно беретъ изъ вивантийскіхъ лѣтописей все, что ему нравится, произвольно отбрасываетъ всѣ факты и объясненія, противорѣчащія его заранѣе составленному взгляду. Поступавъ подобнымъ образомъ, можно доказывать все, что угодно; можно доказывать, что Александръ Македонскій пошелъ противъ персовъ не потому, что хотѣлъ разрушить Персидское царство (напротивъ, онъ желалъ всякаго счастья Дарію), а только потому, что былъ вынужденъ въ тому опасеніемъ распространенія индійскаго могущества на Востокъ: дѣло шло вовсе не о независимости Персеполя, а только о томъ, коку владѣть Персеполемъ: Пору или Александру, индійцамъ или македонянамъ. Понимаа своимъ яснымъ умомъ такое положеніе вопроса, Александръ рѣшился предупредить Пору, и переправился черезъ Граникъ. Точно также можно доказывать, что римляне взяли Кареагенъ не потому, чтобъ хотѣли овладѣть имъ, а только для того, чтобы предупредить египтянъ, которые также (будто бы) хотѣли завладѣть Кареагеномъ. Всѣ эти «совершенно новые результаты» будутъ имѣть прочность совершенно одинаковую съ выводами, которыхъ достигаетъ г. Стасюлевичъ.